

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Кафедра теории и методики преподавания языков и культур
Азии и Африки

Давыдов Артём Витальевич

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ МАНИНКА В
ТРУДАХ СУЛЕЙМАНА КАНТЕ**

Направление: 030800 «Востоковедение, африканистика»

Магистерская диссертация

Научный руководитель: проф., д.ф.н. В. Ф. Выдрин

(подпись)

Рецензент: доц., к.ф.н. О. Ю. Завьялова

Санкт-Петербург
2009

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Просветительское движение нко.....	5
1.1. Языки манден.....	–
1.2. Сулейман Канте и возникновение письма нко.....	7
1.3. Взгляды Сулеймана Канте на языки манден.....	11
1.4. Просветительское движение нко.....	14
1.5. Особенности письменной традиции нко.....	16
Глава 2. Фонология в трудах Сулеймана Канте.....	19
Глава 3. О «Грамматике нко» Сулеймана Канте.....	25
3.1. Имя (<i>tɔ</i>).....	30
3.2. Местоимение (<i>tɔnɔdɔbila</i>).....	31
3.3. Прилагательное (<i>mànkútu</i>).....	33
3.4. Предикативный показатель (<i>bósolan</i>).....	42
3.5. Глагол (<i>kúmasobo</i>).....	45
3.6. Частица (<i>kùnkúdu</i>).....	52
3.7. Наречие (<i>kàlá</i>).....	53
3.8. Вопрос (<i>níninkalí</i>).....	54
3.9. Экспрессивное наречие (<i>dògbeleyalí</i>).....	–
3.10. Междометие (<i>kánto</i>).....	55
3.11. Выводы.....	–
Глава 4. Лингвистическая терминология нко.....	58
4.1. Лингвистическая терминология Сулеймана Канте.....	–
4.2. Влияние традиции нко на лингвистическую терминологию языков манден.....	63
Заключение.....	65
Сокращения.....	66
Источники.....	67
Литература.....	–

Введение

Оригинальное письмо нко¹ и одноимённая лингвистическая традиция были созданы в 40-е годы XX века выдающимся гвинейским просветителем-энциклопедистом Сулейманом² Канте (1922-1987). Его перу принадлежит около двухсот работ, в том числе оригинальные исследования по языкознанию, истории народов манден и традиционной медицине, а также научно-популярные книги по самым разным естественным и гуманитарным дисциплинам. Среди важнейших работ африканского учёного в первую очередь следует назвать толковый словарь нко, содержащий около 30 тысяч слов, полный перевод Корана на язык манинка и трёхтомную «Граматику нко», которой ниже будет посвящена отдельная глава. Достаточно полные списки трудов Сулеймана Канте можно найти в работах [Oyler 2005, 183-198] и [Wyrod 2003, 119-121].

В настоящее время письменная традиция нко имеет многочисленных последователей в Гвинее, Мали, Кот-д'Ивуаре и других странах, где говорят на языках манден. На нко издаются книги и периодические издания. В Гвинее письмо нко используется в школьном образовании: в первую очередь в неофициальной сети ICRA-NKO (Association pour l'Impulsion et la Coordination des Recherches sur l'Alphabet N'Ko, «Ассоциация по продвижению и координации исследований об алфавите нко»), но в последнее время и в государственных школах.

Литература, посвящённая письму нко и связанному с ним движению, относительно невелика. Выделяется монография Д. Ойлер [Oyler 2005], в которой история возникновения и развития движения анализируется на основе устных источников – интервью с

¹ В литературе на западноевропейских языках утвердилось написание «N'Ko» или «N'ko». В переводе со всех идиомов манден (если игнорировать тоны) *li kó* означает «я говорю». Поэтому эти слова и были выбраны Сулейманом Канте для обозначения единого языка всех манден.

² Написание этого имени крайне неустойчиво. В литературе встречаются следующие варианты: Souleumane, Soulemane, Solomana, Soulemana. Последние два являются мандингскими формами известного мусульманского имени.

современными деятелями нко, а также ряд исторических статей этого же автора. Диссертация К. Вайрода [Wyrod 2003], посвященная роли письма нко в гвинейском школьном образовании, содержит ряд ценных сведений о распространении письма нко. Из обзорных работ стоит назвать статью Э. Эбермана [Ebermann 2004]. Работ, посвящённых лингвистическим вопросам, немного. Следует упомянуть две статьи В. Ф. Выдрины [Vydrine 1996; Vydrine 2001]. В первой анализируется толковый словарь нко Сулеймана Канте, а вторая содержит заметки относительно происхождения букв алфавита нко. Наконец, недавно вышла статья И. Конде [Condé 2008], которая представляет собой своеобразный взгляд изнутри на лингвистическую традицию нко.

Настоящая работа призвана заполнить существующий в литературе пробел. Она состоит из четырёх глав. В первой коротко излагается история возникновения письма нко и даётся характеристика современного движения нко и соответствующей письменной традиции. Во второй небольшой главе обсуждаются взгляды Сулеймана Канте на фонологию языка манинка. Третья глава посвящена анализу основного источника, «Грамматики нко» Сулеймана Канте, и является центральной в работе. Она повторяет, с некоторыми исправлениями и дополнениями, мои статьи [Davydov 2008; Давыдов 2008]. Наконец, четвёртая глава посвящена лингвистической терминологии нко и её влиянию на современную лингвистическую терминологию языков манден.

Крайне полезными были обсуждения перевода «Грамматики нко» с одним из лидеров движения нко Мамади Баба Джане во время поездки в Каир в январе 2009 года. Ряд ценных замечаний высказал, в переписке по электронной почте, также Ибраима Конде, один из активистов ICRA-NKO в Конакри. Им я выражаю глубокую благодарность.

Глава 1. Просветительское движение нко.

1.1. Языки манден

Письмо нко – явление выходящее за пределы языка, для которого оно было изначально создано. Поэтому, прежде чем переходить к основной теме работы, уместно дать краткую характеристику языковой группы манден.

С генетической точки зрения, языковая группа манден – ответвление довольно низкого иерархического уровня в рамках западной ветви языковой семьи манде (макросемья нигер-конго). С народами, говорящими на языках манден, связано возникновение в XIII в. раннегосударственного образования Мали (часто называемого в литературе «империей»), а также военной деспотии Сегу (в конце XVII в. на территории современного государства Мали) и конфедерации Каабу (в XVI в. на территории современной Гвинеи-Бисау и южного Сенегала). Весомым было и культурное влияние, которое оказывали народы манден на правящую верхушку империи Сонгай и на многие другие окружающие народы (волоф, акан, народы гур, и др.). Культура и язык мандингов были и остаются престижными в Мали, Гвинее, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Буркине-Фасо, Гамбии, Сенегале.

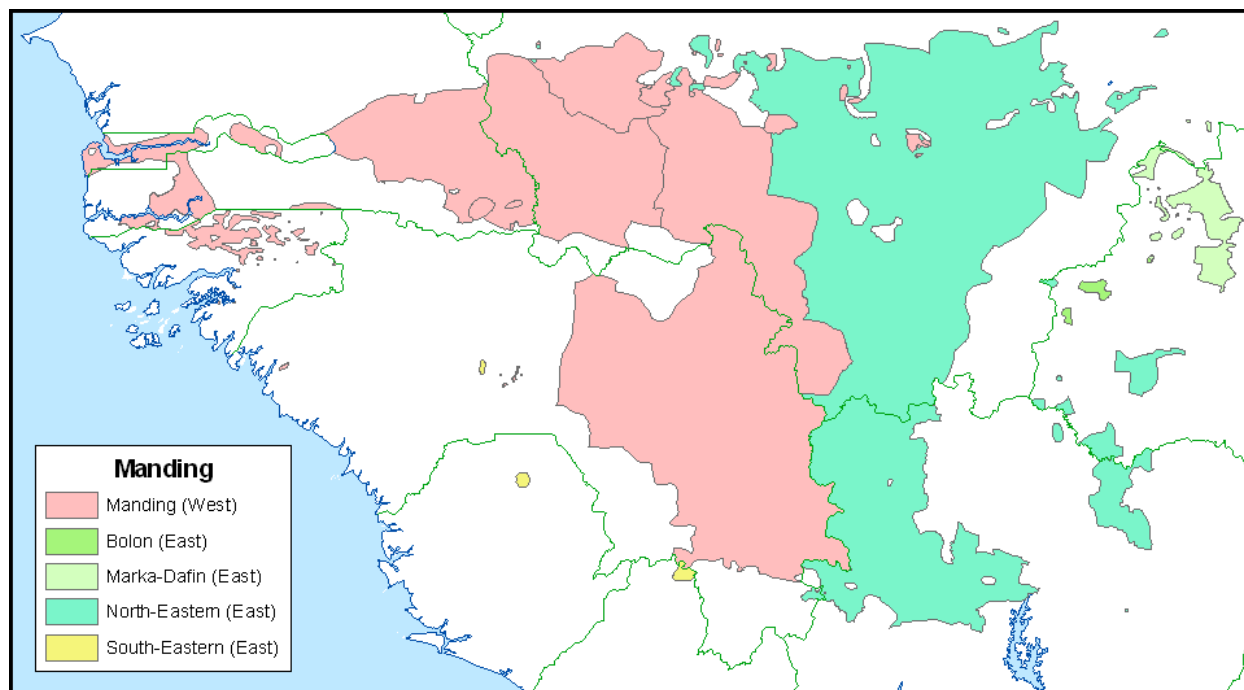
В рамках группы манден принято выделять ряд языков, крупнейшие из которых – бамана (бамбара), манинка (малинке), мандинка, дзула. Такое разделение крайне условно, т.к. группа манден представляет собой скорее языковой континуум, а традиционно выделяемые языки – субконтинуумы, плавно переходящие друг в друга.

Краткое описание группы манден, приводимое ниже, опирается в основном на предисловие к словарю [Выдрин, Томчина, 1999].

1.1.1. Бамана (бамбара). По данным Ethnologue, численность говорящих на этом языке (в основном, в Мали) составляет 2,7 млн. человек. Можно сказать, что эти данные значительно устарели. На сегодняшний день население Мали (по официальным данным, которые скорее всего занижены) составляет почти 12 млн. человек. Бамана является языком межэтнического общения в большинстве регионов страны, не менее 70% населения Мали

владеет этим языком. Таким образом, можно сказать, что в Мали языком бамана (как первым или вторым) владеет около 8 млн. человек.

Рис 1. Распространение языков манден (по данным SIL)

1.1.2. Манинка (малинке). По данным Ethnologue, число говорящих на манинка составляет примерно 3,4 млн. человек (из них 2 млн. в Гвинее и 1,4 млн. в Мали). Кроме того, значительная часть населения Гвинее владеет манинка как вторым языком. Определить даже приблизительно количество говорящих на манинка в Гвинее не представляется возможным. Границу между восточными (малийскими) диалектами манинка и западными диалектами бамана провести крайне трудно, т.к. они плавно перетекают друг в друга. Малийские манинка склонны ориентироваться скорее на баманскую языковую норму, а так называемый «стандартный бамана» города Бамако (столицы Мали) несёт на себе сильный отпечаток восточных диалектов манинка.

1.1.3. Дьула. Слово *jula* значит в языках манден ‘купец’. В Кот-д’Ивуаре и Буркине-Фасо термином «дьула» называют носителя любого языка манден, т.к. впервые носители языков манден появились в этом регионе именно в качестве торговцев. Межэтнический дьула Кот-д’Ивуара и Буркины-Фасо лишь незначительно отличается от «стандартного

бамана» Мали. Их можно было бы рассматривать как два региональных варианта одного и того же языка. В Буркине-Фасо дьула как первым языком владеет не менее 1 млн. человек, как вторым – около 4 млн. человек. Точных данных о количестве говорящих на дьула в Кот-д’Ивуаре нет, однако ясно, что в той или иной степени этим языком владеет не менее половины населения страны, т.е. около 9 млн. человек.

Кроме того, на севере Кот-д’Ивуара имеется ряд диалектов манден (всего около тридцати), также обозначаемых как «дьула». Этот континуум выходит за пределы Кот-д’Ивуара и продолжается в Гвинее и в Либерии.

1.1.4. Северо-западные манден (мандинка, кагоро, хасонка). Самый крупный язык в этой подгруппе – мандинка. По данным Ethnologue на 2002 год, им владеет около 600 тыс. человек в Сенегале, около 450 тыс. человек в Гамбии и около 150 тыс. человек в Гвинее-Бисау. Плохо взаимопонимаем с бамана и манинка.

1.1.5. Марка-дафин – диалектный континуум на границе Мали и Буркины-Фасо. Число говорящих – около 250 тыс. человек.

Всего на языках манден говорит более 25 млн. человек. При этом число говорящих на них как на вторых языках значительно превышает тех, для кого эти языки являются родными

1.2. Сулейман Канте и возникновение письма нко

1.2.1. Распространённое мнение о том, что Африка южнее Сахары является бесписьменным регионом, во многом ошибочно. Примерно с VIII века в Западную Африку начинает проникать ислам, а вместе с ним – арабский язык и арабское письмо. Общественный институт марабутов – знатоков арабского языка и Корана – существует у многих народов этого региона. На некоторых языках Западного Судана (в первую очередь на хауса) существует достаточно богатая арабографическая литература.

Языки манден не являются здесь исключением. Арабографическое письмо было распространено и в наиболее исламизированных районах проживания народов манден, в первую очередь – в Сенегамбии (на языке мандинка), где оно используется и до сих пор. Арабское письмо, однако, не слишком хорошо подходит для передачи всех фонологических особенностей языков манден, т.к. все они тональны и имеют в большинстве своём по семь гласных фонем. Сфера его употребления была в основном довольно узкой: торговые записки, подстрочные комментарии к религиозным текстам на арабском. Существуют, впрочем, и более объёмные сочинения, например, исторические хроники; см., в частности, недавно опубликованную рукопись из Биджини [Giesing, Vydrine 2007].

Из-за несовершенства арабской графики применительно к языкам манде ощущалась естественная необходимость изобрести более совершенную систему письма, которая могла бы в полной мере отразить фонологическую структуру языков манден. Надо сказать, в Западной Африке Сулейман Канте, изобретатель письменности нко, далеко не стал пионером в своём деле. Ещё в первой половине XIX в. на языке ваи возникла самобытная система слогового письма. В 20-30 гг. XX века слоговое письмо возникло на языках кпелле и менде. В литературе есть и упоминания и о наличии слогового письма у бамана (письмо масаба). Общее же количество систем письма, изобретённых в Африке в новое время, исчисляется десятками. Им посвящена довольно обширная литература, из которой выделяется цикл статей Д. Дэлби [Dalby 1968; 1969; 1970]. Схема создания таких систем письма почти всегда одна и та же: некто видит, как арабы или европейцы успешно пользуются письменностью на своих языках, осознаёт удобство подобного изобретения и создаёт собственное письмо, как правило, не слишком совершенное. Однако именно Сулейман Канте стал первым (и, возможно, единственным), кто смог перешагнуть через стадию слогового письма и создать для своего родного языка фонемное письмо, адекватно отражающее его тональную структуру.

1.2.2. Биография Сулеймана Канте и история изобретения письма нко подробно излагается в монографии [Ouler 2005]. Немало информации об этом содержится и в книгах на нко и на сайтах движения нко в Интернете. Это избавляет от необходимости останавливаться слишком подробно на этих вопросах. Основные вехи жизни и творчества Сулеймана Канте наметить, тем не менее, следует. Помимо упомянутых источников привлечём также книгу «Пять важных вопросов и ответы на них» [NYL], которая представляет собой перевод на манинка ряда интервью, которые Сулейман Канте дал по-французски в 1969 году.

Сулейман Канте родился в 1922 г. в деревне Суманкой близ города Канкана в Гвинее. Его отец и дед были выдающимися марабутами и держали хорошо известную кораническую школу. До 19 лет Сулейман Канте получал традиционное исламское образование. И. Конде [Condé 2008, 36] отмечает, что ещё в юности Сулейман Канте имел возможность познакомиться с разными языками и диалектами манден, так как школа притягивала учеников из разных областей расселения народов манден, в том числе и за пределами Гвинеи. В дальнейшем многоязычие Канте найдёт отражение в его концепции нко как единого языка всех манден. После смерти отца в 1941 году Канте был ещё слишком молод, чтобы взять на себя руководство школой, и стал поэтому торговцем. В городе Буаке (в центре Кот-д'Ивуара) ему удалось развернуть успешный бизнес по торговле орехами кола.

В 1944 году в руки Сулеймана Канте попала арабоязычная ливанская газета. В одной из статей журналист по имени Кемаль Марва утверждал, что африканские языки лишены упорядоченности, что их грамматика примитивна, а сами они напоминают щебетание птиц, и что именно поэтому африканцы так и не смогли создать письменностей на своих языках. Это разозлило Сулеймана Канте, и он решил создать письменность для своего родного языка.

Сулейман Канте стал изучать французский язык в надежде, что латинская графика подойдёт для его языка, но остался недоволен результатами³. Тогда он стал экспериментировать с арабской графикой: добавил диакритические знаки (точки) к некоторым буквам арабского алфавита, чтобы обозначить согласные фонемы манинка, отсутствующие в арабском (/gb/, /č/, /p/) и ввёл новые огласовки для обозначения недостающих гласных. Он отправил свои рукописи некоему издателю в Алжире, но получил отказ, так как в типографии не было необходимых шрифтов. Сулейману Канте предложили издать рукопись методом фотокопирования, но это оказалось ему не по карману. Кроме того, Канте (не без влияния извне) стал понимать, что он слишком усложнил и без того непростую арабскую графику, введя в неё ещё больше диакритических знаков.

В конце концов, Канте пришёл к мнению, что ни один существующий алфавит не может отразить тоновую структуру его родного языка. Тогда он решил создать оригинальное письмо. Согласно легенде, идея письма нко пришла к Сулейману Канте во сне, после длительной медитации. Известна даже точная дата этого события – 14 апреля 1949 года. Знаки алфавита нко были заимствованы частью из арабского, частью из латинского алфавита. Однако создателю пришлось придумать и несколько оригинальных букв для обозначения некоторых особых фонем языка манинка, а также диакритические знаки для обозначения тонов.

Сулейман Канте написал около двухсот книг на Нко на самые разные темы, в том числе оригинальные труды по теологии, лингвистике, истории и традиционной медицине, а также ряд популярных книг по самым разным областям знания. Его перу принадлежит большой толковый словарь языка манинка, содержащий около 30 тысяч слов. Он же

³ По словам И. Конде (частная переписка), сочинения Канте, написанные в латинской графике, сохранились и, возможно, будут изданы.

является автором перевода Корана на этот язык. Многие труды Сулеймана Канте до сих пор не опубликованы. Сулейман Канте умер в 1987 году в Конакри.

Лингвистическое направление исследований школы нко в настоящее время поддерживается многочисленными учениками и последователями Сулеймана Канте. В первую очередь следует упомянуть Мамади Баба Джане, который подготовил второе издание толкового словаря нко и создал ряд оригинальных трудов. В Конакри работает «Академия нко» (Nko dunbu), которая готовит к печати нко-французский словарь, новый толковый словарь нко и издаёт газету.

1.3. Взгляды Сулеймана Канте на языки манден

Как уже отмечалось, до последнего времени западные исследователи языков манден обходили своим вниманием лингвистическое наследие Сулеймана Канте. Можно предположить, что наибольшее влияние на лингвистические воззрения Сулеймана Канте оказали арабская и европейская (точнее – французская) лингвистические традиции. Сулейман Канте принадлежал к семейству известных марабутов – знатоков арабского языка и ислама. Таким образом, арабская лингвистическая традиция не была для него чуждой. Французский язык Канте выучил уже в достаточно зрелом возрасте, однако можно предположить, что влияние французской лингвистической традиции было даже более значимым, чем арабской. Опубликованная В.Ф. Выдриным переписка Сулеймана Канте с известным французским африканистом Морисом Уисом [Lettres... 2001] проливает некоторый свет на становление лингвистических взглядов африканского учёного.

Взгляды Сулеймана Канте можно охарактеризовать в целом как панафриканские или афроцентристские. В более узком плане для Сулеймана Канте характерны панмандингские взгляды – вера в единство всех народов манден. Конечно, такая позиция имеет под собой реальные основания: народы манден действительно объединяет культурная и языковая близость. Одним из важнейших средств консолидации всех народов манден для Сулеймана

Канте является язык. По его мнению, все существующие идиомы манден (манинка, бамана, дбула, мандинка и т.д.) – всего лишь варианты одного языка, который он называет языком манден (*mandenkan*), или нко.

Стоит заметить, что многие идиомы манден превосходят пределы взаимопонимания, особенно это касается крайних точек языкового континуума. По данным лексикостатистики, количество общих слов из 100-словного списка базовой лексики М. Сводеша для манден близко к 90 (при предполагаемом пределе взаимопонимания в 90 слов) [Выдрин, Томчина 1999, 7]. Для «стандартного бамана» Бамако и манинка-мори, впрочем, приводят цифры в 94-98 совпадений (там же). Грамматические различия между различными идиомами манден также могут быть весьма существенны. Особенно они заметны в глагольной сфере. Так, например, предикативный показатель *ká* передаёт в языке бамана значение опатива, а в мандинка – хабитуалиса. Есть различия и в именной морфологии, так, в северо-западных манден сохранился суффиксальный артикль (-*o/-oo* в мандинка), в большинстве прочих языков манден он утратил сегментную основу и заменился на тоновый. Реализация лексических и грамматических тонов в разных идиомах манден различна. Есть различия и в фонемном составе. Сулейману Канте даже пришлось ввести в созданный им алфавит ряд букв, обозначающих фонемы, которые отсутствуют в манинка-мори.

Тем не менее, Сулейман Канте настаивал на существовании единого языка манден. Сам являясь носителем манинка-мори, он ориентировался в первую очередь на норму этого идиома. Это, однако, не мешало ему (и не мешает сейчас его последователям) включать в свои сочинения заимствования из других диалектов манден и даже грамматические формы других диалектов. В текстах Сулеймана Канте употребление заимствований и форм других диалектов носит, на мой взгляд, скорее случайный характер. Что же касается текстов, созданных его последователями, то их можно условно разделить на две группы. Во-первых, это тексты, созданные на достаточно «чистом» манинка-мори. Во-вторых, тексты, авторы которых опирались на норму манинка-мори, но допускали большое количество

заимствований из своих родных диалектов. Ввиду того, что движение нко развивается в основном в Гвинее (а также в Египте, где имеется значительная диаспора гвинейских манинка), подавляющее большинство текстов на нко можно отнести к первой группе.

Другая важная черта идеологии Сулеймана Канте – пуризм и противостояние иноязычным заимствованиям. Вместо них он предлагает использовать неологизмы, созданные лишь при помощи средств языка манинка (и других идиомов манден).

Подавляющее большинство заимствований в манинка – из арабского и французского языков. То же самое можно сказать и о других языках манден. Исключение составит, пожалуй, только мандинка, заимствовавший много слов из английского (в Гамбии) и португальского (в Гвинее-Бисау) языков.

Заимствования из французского языка в манинка в основном относительно недавние и достаточно «прозрачные» и осознаются носителями языка. Для замены практически всех подобных слов Сулейман Канте создал неологизмы, которые отражены в его толковом словаре, а также в текстах на нко. Самим же заимствованиям Сулейман отказывает и во включении в словарь, и в использовании в текстах. Исключение составляют только немногие слова, чей фонетический облик претерпел значительные изменения и в которых Сулейман Канте, возможно, не смог разглядеть заимствования. Так, например, слово *súwandi* ‘выбирать’ (от франц. *choisir*) включено в толковый словарь.

Что касается арабских заимствований, то многие из них очень давние. Таковы, например, все слова, в которых есть фонема /h/. От употребления «устоявшихся» слов и от включения их в словарь Сулейман Канте отказаться уже не мог, хотя, вероятнее всего, и осознавал их арабское происхождение.

Несмотря на возрастающую популярность письма нко, сфера употребления неологизмов, созданных Сулейманом Канте и его последователями, до сих пор остаётся достаточно узкой и ограничивается в основном текстами на нко, а также речью дикторов гвинейского радио и телевидения. Большинству носителей языка манинка они неизвестны.

Даже для людей, свободно владеющих языком, неологизмы могут создавать серьёзные препятствия для понимания текстов, т.к. неологизмы постоянно продолжают создаваться, и далеко не все они отражены даже в последней редакции толкового словаря нко. С другой стороны, некоторые наиболее часто употребляемые неологизмы должны быть, по-видимому, известны большинству читающих на нко. По моим наблюдениям (к сожалению, весьма непродолжительным и отрывочным), в устной речи неологизмы не слишком употребимы даже в среде активистов нко. Так, обсуждая с Мамади Джане и его коллегами грамматику языка манинка, я обратил внимание на то, что достаточно подробно разработанной лингвистической терминологии нко (подробнее о которой в третьей и четвёртой главах) они часто предпочитают заимствованные из французского языка термины. Например, вместо искусственного термина *kúmasobo* 'глагол' (буквально «мясо речи») они достаточно регулярно употребляли слово *verbu*, от французского *verb*.

1.4. Просветительское движение нко

Просветительское движение нко, основы которого были заложены Сулейманом Канте, имеет многочисленных последователей в различных странах Западной Африки. Действуют организации, способствующие распространению письма нко, крупнейшая из них - ICRA-N'KO. Только в Гвинее на нко издаётся несколько газет и большое количество книг. Второй крупнейший книгоиздательский центр находится в Каире. В Бамако издаётся газета на нко. Престиж письма нко весьма ощутим и продолжает расти. Связано это, возможно, с тем, что письмо нко, в отличие от латинского и арабского, воспринимается как «родное», связанное с местной традицией. Книги на нко охотно раскупаются. Впрочем, полной уверенности в том, что все они действительно прочитываются, нет, ведь престижным является даже само обладание книгой или газетой на нко, т.к. оно указывает на принадлежность (пусть и мнимую) обладателя к традиции. По устному сообщению О. Ю. Завьяловой, во время поездки в Гвинею ей доводилось видеть человека, постоянно

носившего в нагрудном кармане своей рубашки газету на нко. Читать на нко он не умел, газета для него была лишь знаком престижа.

Официального статуса ни в Гвинее, ни в других странах Западной Африки письмо нко не имеет. Известно, что в шестидесятые годы Сулейман Канте обращался к первому президенту Гвинеи Секу Туре с предложением принять письмо нко в качестве официального для языка манинка. Предложение это было отвергнуто, т.к. Секу Туре считал, что все народы Гвинеи должны использовать один алфавит. Тем не менее, сегодня школы нко открыты во многих городах, где проживают народы манден (в первую очередь в Гвинее, но также и за её пределами). Количество людей, владеющих письмом нко, постоянно растёт. В такой ситуации лидеры движения нко в Гвинее вновь ставят вопрос о присвоении письму нко официального статуса.

По мнению К. Вайрода, исследовавшего роль письма нко в гвинейском школьном образовании, популярности письма нко и школ нко (по сравнению с государственными школами, где используют письменность на основе латиницы) способствуют следующие факторы [Wyrod 2003, 94]:

- 1) в школах нко могут обучаться не только дети, но и взрослые;
- 2) обучение в них добровольное, в отличие от государственных школ;
- 3) в школах нко практикуется индивидуальный подход к каждому ученику
- 4) отсутствие установленной обязательной программы;
- 5) обучение может происходить где угодно, а не только в школьной аудитории;
- 6) децентрализованность образования нко (имеется несколько независимых объединений);
- 7) связь с местной, а не с европейской традицией;
- 8) обучение не светское, а религиозное (исламское);
- 9) школы нко поддерживаются оппозиционными партиями, а не правительством;

- 10) общемандингская (т.е. общезтническая), а не общегосударственная направленность;
- 11) распространение за пределами Гвинеи;
- 12) роль учителей выполняют добровольцы, выполняющие свою работу бесплатно, либо получающие вознаграждение от учеников, но не от государства.

С мнением Вайрода вполне можно согласиться с той лишь оговоркой, что пункт 9 представляется мне весьма спорным.

Точных данных о количестве владеющих письмом нко нет. Подсчитать его едва ли возможно, т.к. обучение письму нко носит в основном неофициальный характер. По данным К. Вайрода, только лишь в одной префектуре Сигири письму нко в 2002 году обучалось более 36 тысяч человек (из них 93% мужчин и 7% женщин).

Обучение в школах нко, разумеется, не может заменить обучения в государственной школе. Деятели движения нко и не ставят перед собой такой задачи. Сулейман Канте в своих сочинениях подчёркивает важность изучения иностранных языков и знакомства с достижениями других культур. По свидетельству К. Вайрода, движение нко сделало в 90-е годы прошлого века шаги в сторону сотрудничества с официальными органами образования. В 2002 году уже существовало шесть школ нко, имеющих официальный государственный статус. Обучение в этих школах ведётся на двух языках – французском и мандинка (в графике нко).

Деятелей движения нко довольно часто обвиняют в национализме (см, например, статью [Amselle 1997]). Едва ли подобные обвинения справедливы. Движение нко действительно способствует консолидации всех народов манден, основываясь на единстве языка, наличии общего исторического прошлого и единстве религии. Но никаких идей об исключительности или превосходстве народов манден над другими народами деятели нко не высказывают. Напротив, ими подчёркивается равноценность культур всех народов и, как следствие, необходимость изучать иностранные языки. Подтверждением такой позиции

служит, в частности, то, что деятелями движения нко за последнее время было выпущено несколько двуязычных словарей нко, разговорников и учебников нко, рассчитанных на носителей разных языков.

1.5. Особенности письменной традиции нко

1.5.1. По данным Д. Ойлер [Oyler 2005, 96], полученным ей от информантов, в 60-е годы у Сулеймана Канте появилась копировальная машина, при помощи которой он печатал небольшие (10-20 страниц) брошюры, представляющие собой копии его рукописей. Когда в 1971 году машина сломалась, Канте попросил у Гвинейского правительства помощи в своей книгоиздательской деятельности, однако получил отказ. Несмотря на это, книги продолжали издаваться на деньги частных спонсоров. Помимо этого Сулейман Канте поощрял своих учеников переписывать его труды от руки. Копии, по-видимому, могли создаваться и с других копий. В результате многократного переписывания, конечно, не могли не возникать непреднамеренные ошибки и изменения. В итоге труды Сулеймана Канте существуют в различных изводах. Можно было бы сказать, что мы имеем дело с почти средневековой традицией, сложившейся в середине XX века, если бы картина не осложнялась относительной доступностью для деятелей нко копировальной техники. Издания книг на нко могли представлять собой машинные копии не только с рукописей самого Сулеймана Канте, но и с других изводов его трудов.

Полностью проследить историю интересующих меня в первую очередь текстов не представляется возможным ввиду недоступности ранних изданий. Однако, сравнивая несколько имеющихся в моём распоряжении поздних изданий «Грамматики нко», можно прийти к выводу о том, что между ними есть разночтения, хотя чаще всего и малосущественные: разное разбиение текста на параграфы, использование несовпадающих словесных и фразовых примеров, замена некоторых слов синонимами, переформулировка отдельных предложений и т.п.

Несмотря на то, что первые компьютерные шрифты нко начали появляться ещё в 80-е годы и тогда же стали выходить первые издания, напечатанные этими шрифтами, традиция издавать книги методом ксерокопирования рукописей не прекратилась. Видимо, это было связано с труднодоступностью компьютеров. Последние доступные мне «рукописные» издания датируются 1998 годом, но возможно, что существуют и более поздние.

С развитием компьютерной техники издания, набранные на компьютерах, получили большее распространение. Деятелями нко был создан шрифт Koli Nko Manden, который используется в подавляющем большинстве современных изданий. В 2004 году лидеры движения нко в сотрудничестве с известным специалистом по системам письма Майклом Эверсоном разработали предложение [Everson et al. 2004] о включении письма нко в единую шрифтовую систему Unicode, которое было принято. Начиная с версии 5.0 знакам письма нко в системе Unicode присвоен диапазон от U+07C0 до U+07FA включительно. Библиотека компьютерных шрифтов Pango и графическая оболочка для Unix-подобных операционных систем GNOME имеют встроенную поддержку нко.

1.5.2. Отдельного упоминания заслуживает отношение деятелей нко к проблеме авторства. Некоторые факты позволяют предположить, что некоторые труды, подписанные именем Сулеймана Канте или современных лидеров движения нко, являются на самом деле результатом коллективного творчества или даже целиком созданы людьми, занимающими более низкие места в иерархии движения. Так, по устному сообщению В.Ф. Выдрина, деятели нко, с которыми ему довелось общаться во время поездки в Гвинею, были удивлены, узнав, что результаты исследований его студентов будут опубликованы под их собственными именами, а не под именем их научного руководителя. Косвенным подтверждением моего предположения является и то, что, несмотря на впечатляющее общее количество публикаций на нко, список имён, которыми они подписаны, весьма ограничен. Впрочем, всё сказанное выше можно считать лишь догадкой. Никаких специальных исследований этого вопроса мной не проводилось.

В то же время, есть и несомненные примеры такого отношения к авторству, которое в европейской традиции однозначно признали бы неэтичным. Так, в моём распоряжении имеется первое [DIC1] и второе [DIC2] издание словаря нко, составленного Сулейманом Канте. Различия между ними не слишком велики. Второе издание отличается в первую очередь несколько расширенным словником (33 тысячи слов против 30 тысяч в первом), изменением некоторых толкований и новым предисловием. Тем не менее, оно подписано именем Мамади Баба Джане, а имя Сулеймана Канте на титульном листе книги даже не упоминается. В. Ф. Выдрин (устное сообщение) предложил также иную трактовку: не исключено, что Мамади Баба Джане принимал очень большое участие в составлении первого издания словаря нко, однако труд был опубликован под именем одного лишь Сулеймана Канте (согласно изложенной выше модели). В таком случае, во втором издании словаря Джане лишь исправил несправедливость.

Глава 2. Фонология в трудах Сулеймана Канте

Вопросам фонетики и фонологии в книге Сулеймана Канте «Грамматика нко» [NK1, NK2, NK3], которая будет рассмотрена в следующей главе в качестве основного источника, посвящено крайне мало места. Они поднимаются лишь тогда, когда автору было необходимо с их помощью объяснить какие-либо грамматические противопоставления (см., например, объяснение категории определённости/неопределённости имени в п. 3.1.1). Однако ясно, что, создавая письменность для своего родного языка, Сулейман Канте не мог избежать анализа его фонологического строя. Результаты этого анализа изложены в первую очередь в его книге «Практический метод письма нко», изданной на французском языке [MP], а также в ряде букварей нко, принадлежащих как перу Канте, так и его последователей. Таким образом, традиция нко описывает фонологию почти исключительно в связи с графикой и орфографией.

Алфавит нко состоит из семи гласных (*siiralán* в терминологии нко) и восемнадцати согласных (*siiratá*) букв, представленных в следующей таблице:

Таблица 1. Алфавит нко

l	o	ɥ	ʌ	u	ɔ	ʔ		
a	e	i	e	u	o	ɔ		
f	ɸ	b	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ
ba	pa	ta	ja	ca	da	ra	sa	gba
ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ	ɸ
fa	ka	la	ma	na	na	ha	wa	ya

Пишут на нко справа налево, на письме буквы связываются между собой нижней чертой. В отличие от арабского письма, откуда Сулейман Канте заимствовал начертания многих букв, гласные в письме нко обозначаются наравне с согласными. Порядок следования букв повторяет в основном арабский алфавит. Названия всех согласных образованы прибавлением к фонеме, которую они обозначают, гласного /a/.

Действует следующее правило, которое называется в традиции нко *gbárali* (стяжение): если два соседних слога одного слова имеют одну и ту же краткую неназализованную гласную с высоким тоном, то пишется только вторая из них: **ɸɸ** bólo` ‘рука’, **ɸɸ** fúdu ‘жениться’. В случае же, если первая имеет высокий тон, а вторая низкий, то пишутся обе гласные: **ɸɸ** m̀òsó` ‘женщина’. Для языка манинка такое орфографическое решение можно признать удобным: оно не затрудняет чтения и позволяет значительно сократить письменный текст. То же самое можно сказать и про язык бамана, на котором также создаются тексты на нко, хотя и в меньшем количестве, чем на манинка. Но если учесть, что письмо нко претендует на охват всех без исключения языков манден, то тогда правило *gbárali* оказывается уже не столь удачным. Так, в большинстве диалектов манден Кот-д’Ивуара происходит редукция первой гласной в двусложных словах со

структурой CVCV, где второй согласный компонент относится к особому подклассу, включающему обычно некоторые сонанты и фрикативные. Например, слову *bára* ‘калебаса’ языка манинка в диалекте каранджан (данные по нему приводятся по моим полевым записям) соответствует *brá*. Далее, фонологический признак долготы гласной, имеющийся в манинка и большинстве других языков манден, в каранджан отсутствует, ср. слова манинка *báara* ‘работа’ и каранджан *bára*. Орфография нко, таким образом, оказывается неспособна передать оппозицию *brá* ~ *bára* диалекта каранджан. В случае необходимости затранскрибировать иностранное слово в текстах на нко для обозначения стыка согласных прибегают к помощи апострофа: **ṽḃ ṽḃ**, франц. *partie* ‘партия’ (без апострофа читалось бы *páriti*). Понятно, что для диалектов манден Кот-д’Ивуара, если на них начнут создаваться письменные тексты на нко, подобное решение проблемы будет не слишком удобным.

Кроме перечисленных выше букв, используется также буква **ṽ**, передающая гласный нулевой степени раскрытия /n/. В терминологии нко она именуется «промежуточной» (*tédo*). Её место в алфавите, по-видимому, до конца не устоялось: в одном из имеющихся в моём распоряжении изданий толкового словаря нко она помещена в конец алфавита, в другом – между гласными и согласными. Наконец, буква **ṽ** (*ná wóloso*, дословно «на подчинённое») обозначает фонему /l/, подвергшуюся чередованию с /n/ после носового гласного (ср., например: *à lá* ‘у него’ и *àṽ ná* ‘у нас’).

Вообще, можно сказать, что графика нко очень фонологична и близка к идеальной в том смысле, что между фонемами и графемами имеется почти полное соответствие: каждая графема передаёт только одну фонему, а каждая фонема передаётся одной графемой (исключение здесь составляет только буква **ṽ**). Понятно, что в такой ситуации внедрение в графику какой-либо графемы оказывается аналогично выделению соответствующей фонемы на фонологическом уровне. Таким образом, графемы Сулеймана Канте можно практически приравнять к фонемам, хотя процедуры формального анализа, которые привели к их выделению, скрыты от глаз исследователя. Впрочем, более справедливо было бы

предположить, что Канте вычленил фонемы не формальным путём, а опираясь на собственную интуицию носителя языка. При этом стоит отметить, что Канте интуитивно выделил те же фонемы, которые в [Gregoire 1986] выделяются формальным путём.

Назализация гласных в письме нко обозначается при помощи точки под буквой, называемой *kánnadiyalan* (буквально «то, что делает речь красивой»): ǎ [an], ạ̌ [in], ạ̣̌ [un] и т.д.

Тон и долгота гласного обозначаются при помощи ряда диакритических знаков, помещаемых над буквой. Ниже они приведены на примере гласной *!*:

Таблица 2. Обозначения тонов и долготы гласных в письме нко

Краткие гласные		Долгие гласные		Термин Канте
!	ạ̌	ạ̣̌	ạ̣̣̌	<i>kánnmayele máfanen</i>
ạ̣̌	ạ̣̣̌	ạ̣̣̣̌	ạ̣̣̣̣̌	<i>kánnmajii lábaranen</i>
ạ̣̣̌	ạ̣̣̣̌	ạ̣̣̣̣̌	ạ̣̣̣̣̣̌	<i>kánnmayele lábaranen</i>
ạ̣̣̣̌	ạ̣̣̣̣̌	ạ̣̣̣̣̣̌	ạ̣̣̣̣̣̣̌	<i>kánnmajii máfanen</i>

Как видно из таблицы, тон и долгота на письме обозначаются кумулятивно. И. Конде отмечает, что, в отличие от европейской традиции, традиция нко эти характеристики гласных как явления одного порядка [Condé 2008, 40]. Это замечание представляется спорным, т.к., несмотря на кумулятивное обозначение долготы и тона на письме, лингвистическая теория нко различает эти две характеристики гласных и для каждой из них существует свой термин: *kánnmasere* ‘тон’ и *kánnmayeleman* ‘долгота’. С другой стороны, для наивных представлений мандингофонов об их собственном языке, по-видимому, характерно неразделение этих понятий. Так, например, в предисловии к одному из ранних словарей бамана, составленному малийцем Мусой Травеле, тон и долгота объединяются под общим термином «тоновый акцент» (*accent tonique*) [Travelé 1913, 15].

Канте выделяет в манинка два базовых фонологических тона (*kánmasere*): высокий (*kánmayele*) и низкий (*kánmajii*). Каждый из двух базовых тонов, согласно Канте, может быть падающим (*kánmafānen*) или ровным (*kánnabàranén/lábaranen*). Первое соотносится с понятием «тоновый артикль» в европейской традиции изучения языков манден. Под тоновым артиклем понимают плавающий низкий тон в постпозиции к слову. В изолированно произнесённом слове он реализуется как понижение последней гласной, во фразе понижает тоны последующих слов. Если проводить параллель с европейской традицией, то термин Канте *kánmafānen* означает гласную с тоновым артиклем (*á*), а *kánnabàranén* – гласную без него (*á*).

Как известно, во многих научных традициях, например, в греческой и арабской, между теорией языка и теорией музыки существовала тесная взаимосвязь (см., например, [Звегинцев 1958, 27-28]). Разумно было бы предположить, что и в случае лингвистической традиции нко влияние теории музыки на теорию языка могло иметь место, тем более что музыкальная теория у народов манден весьма развита, хотя и существует лишь в устной форме. Однако, сравнивая терминологию Сулеймана Канте с музыкальной терминологией гриотов (певцов-сказителей) манден, отмечаем, что Сулейман Канте пользуется терминами «высокий» и «низкий» (применительно к тонам) так, как это принято в европейской лингвистической и музыкальной традиции, в то время как в терминологии гриотов манинка термин *dùuma* ‘низкий’ обозначает высокий тон, а термин *sánfè, sánmà* ‘высокий’ обозначает низкий тон [Charry 2000, 325-326]. Влияния музыковедческой традиции, как видно, не наблюдается даже в сфере базовой терминологии. Связано это, по-видимому, со следующим: в традиционном обществе манинка музыкой занималась почти исключительно кастовая группа гриотов. Не принадлежа к этой группе, Канте, скорее всего, и не был знаком с её терминологией.

Помимо выделения базовых тонов, в «Большой грамматике» нко [NK3, 8] Канте предпринимает попытку выделить ещё и тональные классы слов. Он выделяет так

называемую «высокую речь» (*sánma kúma*) и «низкую речь» (*dùuma kúma*) и, как следствие, высокие имена (*sánma tǒ*) и низкие имена (*dùuma tǒ*). В первый класс он включает односложные имена с высоким тоном (примеры, приводимые Канте: *bón* ‘дом’, *sán* ‘небо’, *bín* ‘трава’, *tǒ* ‘имя’, *jéé* ‘рыба’) и многосложные слова, тон первого слога которых высокий (*bíyan* ‘животное’, *sígbǎ* ‘птица (вид)’, *sérebǔ* ‘штаны’, *bála* ‘ксилофон’), причём тон последующих слогов для Канте значения не имеет. Во второй класс включаются односложники с восходящим тоном (*kǔn* ‘голова’, *bǒ* ‘глина’, *nǔun* ‘кузнец’, *mǒ* ‘человек’, *sǎn* ‘год’) и многосложники, тон первого слога которых низкий или восходящий (*màlò* ‘рис’, *tèlébǎn* ‘муха (вид)’, *dǔdǔ* ‘насекомое (вид)’, *sèélén* ‘ястреб’, *kǒbòlén* ‘растение (вид)’). Тон последующих слогов также игнорируется. Следует сказать, что подавляющее большинство одноморфемных слов языка манинка односложны либо двусложны. При этом большая часть из них вписывается в так называемые «стандартные тоновые схемы». Для односложных слов это высокий тон и восходящий тон. У двусложников основных схем две: высокий + высокий и низкий + высокий. Прочие слова в европейской традиции принято обычно выделять в группу с нестандартной тоновой схемой. Как видно из примеров, причисляя слово к тому или иному из двух выделяемых им тональных классов, Канте принимает во внимание лишь начальный тон слова.

Несмотря на то, что понятия «высокая речь» и «низкая речь», введённые Канте, стоит признать не слишком точными, его первенство в описании тональной структуры языка манинка не подлежит сомнению. Конечно, представление о том, что языки манден тональны, к моменту изобретения письма нко у европейских исследователей уже было. Первое описание тональной системы манинка было опубликовано У. Уэлмерсом в 1949 году [Welmers 1949], т.е. одновременно с изобретением письма нко. Однако по-настоящему подробные тонологические описания и первые словари, фиксирующие тоны появились лишь десятилетия спустя. Лингвистические труды Сулеймана Канте могли бы оказать

большое влияние на европейскую традицию изучения языков манден, будь они в своё время более известны и доступны и не будь они написаны на африканском языке.

Глава 3. О «Грамматике нко» Сулеймана Канте

Лингвистические работы занимают важное место среди богатого письменного наследия гвинейского учёного Сулеймана Канте. Они включают его фундаментальный «Словарь нко», до сих пор не опубликованный большой нко-французский словарь, ряд букварей, трёхтомную «Грамматику нко» и некоторые другие работы. Три тома «Грамматики нко» [NK1; NK2; NK3] являются четвёртой, пятой и шестой учебными книгами нко. Последователи просветительского движения нко считают, что каждый, кто хочет овладеть этим письмом, должен последовательно освоить эти книги. Будучи, таким образом, скорее учебником, нежели научным исследованием, «Грамматика нко» имеет много черт, характерных для этого жанра. Самая заметная из них – многочисленные повторы. Эта особенность проявляется как в отдельно взятых томах сочинения, так и в «Грамматике» целиком.

Сравнение текстов трёх томов «Грамматики» показало, что они в значительной степени совпадают, причём тексты последующих томов являются расширенными вариантами текстов томов предыдущих. Каждый последующий том объёмнее предыдущего (так, первый том содержит около тридцати страниц, третий – около пятидесяти), однако круг рассматриваемых в них вопросов остаётся неизменным. Настоящее исследование опирается в основном на анализ текста первого тома, т.к. именно он содержит наиболее краткие и точные формулировки, но часто привлекаются и данные третьего.

Первый том «Грамматики нко» состоит из тридцати глав и краткого предисловия. Главы 1 и 2 содержат некоторые предварительные замечания. В главе 1 Канте утверждает, что бамана, манинка, дьула и мандинка – это диалекты единого языка манден, или нко. О таком «панмандингском» подходе Сулеймана Канте уже шла речь в первой главе

настоящей работы. Несмотря на это, в «Грамматике нко» Канте опирается в основном на данные своего родного языка манинка. Привлечение данных других идиомов манден носит достаточно случайный характер. Более того, примеры из идиомов манден, отличных от манинка, которые приводит Канте часто оказываются неправильными. Так, обсуждая в Главе 6 множественное число имён существительных, он приводит следующий пример из языка бамана: **yíri ù* ‘деревья’. Правильная же форма имеет вид *jíri ù*.

Третий том «Грамматики» содержит небольшую вступительную главу, отсутствующую в первом томе. В ней разъясняются такие понятия, как «говорение» (*fóli*), «речь» (*kúma*), «жест» (*kóreya*) «письмо» (*sébeli*) и «язык» (*kán*). Канте пишет: «Внутренняя часть тела человека, в которой хранится представление (*sínkɔn*) о делах (*kó*), называется душой (*sònkomé*). Место, где содержится душа, – это мозг. То, где душа ищет представление, называется умом (*hánkili*) или разумом (*já*) или же интеллектом (*yíli*). Когда дело ищут в уме, такая работа называется мыслью (*míri*). Когда мысль извлекают наружу, чтобы её понял другой, это называется говорением (*fóli*). Говорение же делится на три вида: жест (*kóreya*), речь (*kúma*) и письмо (*sébeli*)» [НКЗ, 1]. Как видно, термин Сулеймана Канте *fóli* близок к русскоязычным терминам «общение» и «коммуникация». Он включает в себя, во-первых, невербальное общение, представленное жестами и мимикой (и то и другое Канте объединяет термином *kóreya*), и, во-вторых, вербальное общение в устной и в письменной форме (*kúma* и *sébeli*).

Понятия «речь» (*kúma*) и «язык» (*kán*) Канте определяет следующим образом. Речь: «То, что человек произносит своим ртом, и что его собеседник слышит своими ушами и понимает своей душой, называется речью. Речь понимается благодаря общей привычке. Двое говорящих, не происходящих из одной страны, скорее всего друг друга не поймут» [НКЗ, 2]. Язык: «Та речь, которой пользуется между собой население одной страны, – это язык. Обычно в различных странах различаются и языки – немного или сильно» [НКЗ, 3]. Из этих определений можно сделать вывод о том, что в «Грамматике» мы имеем дело

отнюдь не с дихотомией языка и речи в классическом сосюрровском понимании, а скорее с представлением о человеческом языке вообще (*kúma*) и об отдельных языках (*kán*).

В Главе 2 первого тома Канте объясняет свою мотивацию к созданию грамматики. Перечислив выделяемые им части речи манинка, он утверждает, что описание каждой из них называется «грамматикой» (*kángbe*, дословно «чистый язык») и что подобное описание «очищает язык». Это хорошо соотносится с пуристскими взглядами Канте, описанными в первой главе настоящей работы.

В третьем томе к этому прибавляется ещё и рассуждение о природе и пользе письма, которое не нуждается в особых комментариях. Приведём его полностью: «Письмо – это помещение подобия речи на бумагу при помощи чернил и ручки. Каждое такое подобие называется буквой (*sébeden*). Все буквы вместе взятые называются алфавитом (*sébesun*). Почти у каждого языка есть свой алфавит. Но сегодня также многие языки объединены общим алфавитом. Письмо упорядочивает язык, укрепляет ум и приумножает знания. Поэтому умный человек сегодня не может обойтись без письма. Если письмо – это мёд, то письмо на родном языке – это самый лучший мёд. Если письмо – это соус, то письмо на родном языке – это соль в нём. Если чтение – это работа, то чтение на родном языке – это дыхание, потому что уметь читать на родном языке в двенадцать раз проще, чем на чужом. То, что человек узнает за шесть лет из чтения на чужом языке, он, без сомнения, узнал бы за шесть месяцев, читай он на родном».

Последующие главы «Грамматики» посвящены в основном определению и описанию частей речи, которых Канте выделяет десять: имя (*tóó*), местоимение (*tóónɔdɔbila*, досл., «то, что занимает место имени»), прилагательное (*mànkútu*), предикативный показатель (*bósolan*), глагол (*kúmasobo*, букв. «мясо речи»), частица (*kùnkúdu*), наречие (*kàlá*), вопрос (*níninkalí*), экспрессивное наречие (*dàgbeleyalí*, букв. «усиление») и междометие (*kánto*). Разумеется, терминология Сулеймана Канте во многом не совпадает с терминологией,

принятой в европейской традиции, поэтому приводимые выше переводы могут быть лишь очень приблизительными.

История изучения частей речи в языках манден достаточно подробно описана в статье [Выдрин 2004]. Ссылаясь, в свою очередь, на коллективную монографию [Алпатов 1990], В. Ф. Выдрин говорит о существовании трёх возможных критериев разграничения частей речи: семантического, морфологического и синтаксического. Семантический критерий апеллирует исключительно к плану содержания языка, к наличию некоего «глубинного» разделения слов на классы. Морфологический критерий можно понимать в узком и в широком смысле. Узкое понимание предполагает, что части речи различаются словоизменительными парадигмами и, во вторую очередь, морфологическими деривационными типами. При широком понимании принимается во внимание ещё и сочетаемость со служебными словоформами. Наконец, синтаксический критерий учитывает способность слова занимать те или иные синтаксические позиции. Разными исследователями языков манден во главу угла ставились разные критерии: от «ультрасинтаксического» (термин В. Ф. Выдрины) подхода С. И. Томчиной до полного отказа от синтаксиса в пользу морфологии М. Б. Бергельсон. Попробуем выяснить, на каких теоретических позициях стоял Сулейман Канте. Его мнение по данному вопросу тем интереснее, что он работал практически в полном отрыве от европейской лингвистической традиции.

Канте не выдвигает никаких формальных критериев выделения частей речи эксплицитно. Его подход можно охарактеризовать как спонтанный. Тем не менее, очевидно, что он не мог не опираться на какие-либо критерии, даже если они и не формулируются в тексте «Грамматики».

Судя по определениям Канте, семантический и синтаксический критерии были для него особенно важны. Вот как, например, он определяет прилагательное (*mànkútu*): «Прилагательное присоединяется к имени и показывает его характеристики и качества, его

особенности и свойства» [NK1, 9]⁴. В то же время, Канте часто не даёт вовсе никакого общего описания семантики и/или синтаксических характеристик какой-либо части речи, сразу переходя к описанию её подразделения на подклассы. Восемь из десяти частей речи в «Грамматике нко» выделены на основании синтаксического критерия. Прилагательное (*mànkútu*) выделяется на основе семантического критерия, но внутренняя классификация этого класса слов основывается на синтаксисе. Часть речи «вопрос» (*níninkalí*) представляет собой крайний случай, когда какой-либо критерий трудно выделить. В отдельных случаях затруднительно понять, какой именно критерий был использован – синтаксический или семантический.

Часто попытки Канте охарактеризовать синтаксические роли частей речи приводят его к порочному кругу в терминологических определениях. Так, например, он определяет предикативный показатель (*bósolan*) как «слово, которое управляет глаголом» [NK1, 14], в том время как глагол определяется им как «слово, управляемое предикативным показателем, который показывает его время» [NK1, 21]. Интересно, что В. Ф. Выдрин обнаружил сходные недостатки и в «Словаре нко» Сулеймана Канте [Vydrine 1996, 68].

Рассмотрим систему частей речи манинка, как понимает её Сулейман Канте, более подробно. В ходе изложения попытаемся провести некоторые параллели с европейской традицией изучения языков манден, хотя и понятно, что она далеко не едина и что разные европейские исследователи могут стоять на разных теоретических позициях и использовать несовпадающую терминологию. Если трактовка какого-либо элемента грамматики не вызывает среди европейских исследователей серьёзных разногласий, то я позволяю себе сослаться на европейскую традицию в целом, не делая никаких библиографических ссылок. Сравнение подходов европейских исследователей к каждому отдельному вопросу грамматики языков манден – задача едва ли выполнимая, даже если ограничиться только важнейшими работами. Что же касается спорных вопросов грамматики, то тут по

⁴ Здесь и далее в ссылках на первый том «Грамматики нко» цифра указывает на номер главы. Третий том «Грамматики» не имеет нумерации глав, поэтому при ссылке на него указываются страницы.

возможности приводятся разные мнения и делаются библиографические ссылки. В отдельных случаях я предлагаю собственные интерпретации материала манинка.

Привлекаются работы не только по языку манинка, но и по прочим языкам манден. Это объясняется, во-первых, тем, что по некоторым из них существует куда более обширная литература, чем по манинка. Во-вторых, языки манден близкородственны, и очень часто интерпретация какого-либо явления, выдвинутая на материале одного языка, оказывается применима и к материалу других.

3.1. Имя (*tɔ*)

В первом томе «Грамматики» Канте не даёт определения имени, в третьем же определяет его так: «Цель имени – это различие. Оно даётся вещи, и отличает имена вещей друг от друга. Оно даётся живому существу, и отличает имена живых существ друг от друга. Оно даётся месту, и отличает имена мест друг от друга» [НКЗ, 4-5]. Как видно, здесь Канте опирается на семантический критерий.

Сулейман Канте выделяет два подкласса внутри части речи «имя», имя нарицательное (*fòdoba tɔ*) и имя собственное (*kèlenna tɔ*). В то время как семантический критерий, использованный Канте при выделении этих подклассов, не нуждается в объяснении, применённый им морфологический критерий менее очевиден. Как уже говорилось выше, Канте выделяет в манинка два базовых фонологических тона (*kánmasere*): высокий (*kánmaɣɛɛ*) и низкий (*kánmajii*), причём каждый из этих базовых тонов может быть падающим (*kánmafānen*) или ровным (*kánnabàranén*). Согласно Канте, конечный тон имён собственных всегда ровный, в то время как тон имён нарицательных может быть ровным, если имя в неопределённом состоянии (*máfilinén*) и падающим, если в определённом (*málɔnnen*), ср.: *mòsò* ‘женщина (какая-то)’ и *mòsò`* ‘женщина (определённая)’.

Канте выделяет два способа соединения имён между собой: «несопряжённое состояние» (*làkafolí*) и «сопряжённое состояние» (*cénkannin*). Он приводит такие примеры:

silamá` m̀òsò` ‘жена мусульманина’ (несопряжённое состояние) и *silama móso`* ‘женщина-мусульманка’ (сопряжённое состояние). Речь идёт, следовательно, об именных синтагмах двух типов, генитивной и определительной. Как видно, в первом случае каждый из членов именной синтагмы сохраняет свой тон и оформлен собственным тоновым артиклем (если пользоваться европейской терминологией). Во втором случае тон первого компонента распространяется на всю синтагму, оформленную одним артиклем, при этом перелом тонового контура происходит на границе морфем. Опираясь на понятия «высокая речь» и «низкая речь» (подробно о которых было сказано во второй главе) Канте точно описывает эти особенности тоновой комбинаторики.

3.2. Местоимение (*t̀ó̀ǹd̀ó̀b̀ìl̀à*)

Для удобства приведём сперва таблицу местоимений языка манинка. В подписях к строкам и столбцам через дробь даны термины Канте и европейский термины. Если в одной ячейке приведены две формы, то это значит, что они находятся в свободном варьировании.

Таблица 3. Система личных местоимений языка манинка

	<i>t̀ù̀ǹt̀á̀</i> / неэмфатические		<i>t̀ù̀ǹb̀á̀l̀ì</i> / эмфатические	
	<i>k̀è̀l̀èǹǹá̀</i> / ед. ч.	<i>j̀á̀m̀àỳá̀</i> / мн. ч.	<i>k̀è̀l̀èǹǹá̀</i> / ед. ч.	<i>j̀á̀m̀àỳá̀</i> / мн. ч.
<i>k̀ú̀m̀àl̀à</i> / 1 л.	<i>ń</i>	<i>ń, á̀ǹ`</i>	<i>né`</i>	<i>ǹù̀, à̀ǹnu</i>
<i>k̀ú̀m̀àǹd̀ó̀ǹ</i> / 2 л.	<i>í`</i>	<i>á̀lu</i>	<i>íle`</i>	<i>á̀lu`</i>
<i>g̀b̀é̀d̀è</i> / 3 л.	<i>à</i>	<i>à̀lu</i>	<i>àle</i>	<i>à̀lú`</i>

В «Грамматике» говорится, что «местоимение занимает место одного из трёх лиц (*k̀ú̀m̀àt̀ìì*) и оставляет их имена невысказанными» [НКЗ, 7]. Канте выделяет две разновидности местоимений: присоединяемые (*t̀ù̀ǹt̀á̀*) и неприсоединяемые (*t̀ù̀ǹb̀á̀l̀ì*). Про присоединяемые местоимения Канте говорит, что их смысл становится понятен, когда к ним «присоединяется некоторая другая речь» [НКЗ, 10] и приводит следующие примеры: *ń*

dén ` ‘мой ребёнок’, *í dé*n ` ‘твой ребёнок’, *à dé*n ` ‘его ребёнок’, *n dé*n ` ‘наш ребёнок’, *án dé*n ` ‘наш ребёнок’, *álu dé*n ‘ваш ребёнок’, *àlu dé*n ` ‘их ребёнок’.

«Неприсоединяемые местоимения» же местоимения, согласно Канте, «будут понятны, даже если к ним не присоединяется другая речь» (там же). Он приводит следующие примеры: *né* ` ‘я’, *íle* ` ‘ты’, *àle* ‘он’, *nù* ‘мы’, *ànnu* ‘мы’, *álu* ` ‘вы’, *àlu* ` ‘они’. В европейской традиции традиции то, что Канте называет «присоединяемыми» и «неприсоединяемыми» местоимениями, обычно принято называть соответственно неэмфатическими (также нефокализованными, или слабыми – в терминологии Ж. Дюместра) и эмфатическими местоимениями (фокализованными).

Как видно из примеров, формальным критерием для разделения местоимений на два класса для Канте служит возможность или невозможность их изолированного употребления. Слабым местом трактовки Канте является то, что он не оговаривает контекст этого употребления. Ж. Дюместр на материале языка бамана приходит к аналогичному делению на основании другого критерия – возможности употребления того или иного местоимения в презентативной конструкции с предикативным показателем *dòn* [Dumestre 2003, 127]: *àle dòn* ‘вот он (эмф.)’, но **à dòn* ‘вот он (неэмф.)’, *é dòn* ‘вот ты (эмф.)’, но **í dòn* ‘вот ты (неэмф.)’. В манинка предикативный показатель *dòn* отсутствует, в аналогичной конструкции используется показатель *lè*. Однако в манинка действует то же правило, что и в бамана, и критерий Дюместра вполне применим к материалу этого языка: *àle lè* ‘вот он (эмф.)’, но **à lè* ‘вот он (неэмф.)’, *íle lè* ‘вот ты (эмф.)’, но **í lè* ‘вот ты (неэмф.)’.

Кроме этого Канте выделяет местоимения единственного и множественного числа, а также говорит о существовании у местоимений трёх лиц (*kúmatii*): говорящего (*kúmala*), собеседника (*kútarɛɛn*) и «другого» (*gbéde*). В европейской традиции это равнозначно первому, второму и третьему лицу соответственно.

3.3. Прилагательное (*mànkútu*)

Определение прилагательного, предлагаемое Канте, таково: «Прилагательное присоединяется к имени и показывает его характеристики и качества, его особенности и свойства» [NK1, 9]. Внутри этого класса слов он выделяет три подкласса: присоединяемое прилагательное (*mànkútu tùuntá*), неприсоединяемое прилагательное (*mànkútu tùunbáli*) и «промежуточное» прилагательное (*mànkútu tédo*).

3.3.1. Канте подразделяет присоединяемое прилагательное на ещё шесть подклассов, не давая при этом общего определения этого класса слов.

3.3.1.1. К подклассу «примыкающих присоединяемых прилагательных» (*tùunta náranen*) Канте относит всего два форманта: *-ba* и *-nin* (а также их диалектные варианты последнего: *-ren*, *-len*, *-nen*, *-nɔn*). В европейской лингвистике они рассматриваются соответственно как аугментативный и диминутивный суффиксы. Исторически они, по всей вероятности, восходят к словам *bá* ‘мать’ и *dén* ‘ребёнок’. Канте приводит, в частности, такие примеры: *móo-ba* ‘большой человек’, *bá-ba* ‘большая река’, *sèn-bá* ‘большая нога’, *lǎ-ba* ‘большой глаз’, *téé-ba* ‘большая ладонь’, *fén-ba* ‘большая вещь’, *nàfolo-bá* ‘большое богатство’, *cè-nín* ‘маленький мужчина’, *mòso-nín* ‘маленькая женщина’, *dén-nín* ‘маленький ребёнок’, *dùu-nín* ‘маленький город’, *bà-nín* ‘маленькая коза’. Значение всех приведённых слов вычленяется из значения их компонентов, т.е. наличествует регулярная словообразовательная модель. С другой стороны, нередки случаи лексикализации, когда значение целого уже не выводимо из значения его составляющих (примеры Канте): *lǎé* ‘железо’ + *-ren* → *nèéré* ‘металлическая щётка для очистки волокна от зёрен’, *jǎ* ‘изображение, образ’ + *-ren* → *jàré* ‘трафарет для письма’, *wára* ‘хищник’ + *ba* → *wára-ba* ‘лев’. Канте обходит вниманием этот важный языковой факт.

Существенно также отметить, что, наделяя суффикс *-ba* статусом части речи, Канте относит слова с этим суффиксом (наподобие *wárama*) к «неприсоединяемым прилагательным» (см. п. 3.3.2.1.). Таким образом, получается, что, согласно Канте, формант

-ba в слове *wáɾaba* является *одновременно* и «присоединяемым прилагательным» (сам по себе), и «неприсоединяемым» (в составе слова). Едва ли такую систему понятий можно признать логически удовлетворительной.

3.3.1.2. Термин «краткое присоединяемое прилагательное» (*tùunta gbóku*) довольно точно соответствует термину «прилагательное» в европейской традиции. Канте даёт ему очень лаконичное определение: «Оно присоединяется к именам кратко»⁵ [NK1, 10]. Приводимые в «Грамматике» примеры немногочисленны: *yɔrɔ súdun`* ‘близкое место’, *yíla ján`* ‘отдалённое место’, *mɔ̀ nɔ̀n`* ‘грязный человек’, *dénneɲ kálin`* ‘беспокойный ребёнок’. Из этих примеров можно сделать вывод, что под термином «краткое присоединяемое прилагательное» Канте понимает такое прилагательное, которое, если пользоваться европейской терминологией, образует с существительным единую тонально-компактную синтагму [Выдрин, Томчина 1999, 19]: тон первого компонента (существительного) распространяется на всё сложное слово, нейтрализуя тон второго компонента (прилагательного), перелом тонового контура происходит при этом на границе морфем; иными словами, сложное слово относится к тому же тональному классу, что и его первый компонент. Подобное сочетание существительного с прилагательным является по различным критериям именно сложным словом, а не словосочетанием: между его компонентами невозможна никакая вставка; всё единство оформляется единым тоновым артиклем (см. примеры выше) и показателем множественного числа (*mɔ̀ nɔ̀n ni`* ‘грязные люди’) при этом ни один из компонентов не может иметь собственного грамматического оформления или синтаксических связей за пределами сложного слова, которые относились бы только к нему одному; наконец, как было сказано, имеется просодическое единство. Всю совокупность этих явлений или, по крайней мере, часть из них Сулейман Канте, по-видимому, и понимал под «краткостью».

⁵ В оригинале: «ò lé tũun ná gbóku».

3.3.1.3. Подкласс «глагольных присоединяемых прилагательных» (*tùunta kúmasoboma*) объединяет два очень разных, с точки зрения европейской традиции, класса слов.

Во-первых, это имена с агентивным суффиксом *-la* (*-na* после носовых), который присоединяется к переходным глаголам, причём глаголу обязательно должно предшествовать прямое дополнение, выраженное существительным. При этом образуется сложное тонально компактное (см. предыдущий параграф) слово: *mòò fâa-lá`* ‘убийца людей’, *wádi jínin-na`* ‘искатель денег’.

Во-вторых, это перфективные причастия с суффиксом *-len/-nen* (примеры Канте: *cè jámanen`* ‘рассерженный мужчина’, *yíri tēénén`* ‘срубленное дерево’, *màlò` kénen`* ‘просыпанный рис’, *dùu sènenén`* ‘засеянная земля’, *sòn mīdanén`* ‘пойманный вор’). В вышеперечисленных примерах в первую очередь бросается в глаза то, что слова в разных словосочетаниях соединены по-разному. В одних случаях тон первого компонента распространяется на всё словосочетание (*cě + jáman → cè jámanen`*), в других каждый компонент сохраняет свой лексический тон (*sòn mīdanén`*). Попробуем разобраться, в чём же дело.

В европейской традиции изучения языков манден принято выделять различные синтаксические функции, в которых может выступать причастие. В [Dumestre 2003, 234-239] на материале языка бамана таких функций выделяется пять: 1) кваликативная (*qualificative*), 2) причастие как член предложения (*le participe comme le terme syntaxique*), 3) атрибутивная (*d’attribut*), 4) предикативная (*de prédicat*), 5) стивно-результативная форма (*la forme stative-résultative*).

3.3.1.3.1. В кваликативной функции причастие выступает в роли прилагательного, образуя с именем «связанное» соединение», т.е. причастие не утрачивает своего лексического тона, но определяемое существительное не получает тонового артикля.

(1) nìn yé mìsi túnun-nen-w yé wà?
 это PM корова теряться-RES-PL PP Q
 ‘Это потерявшиеся коровы?’ [Dumestre 2003, 234].

(2) nà ní jí súma-len` Yé
 приходит:IMP и вода Охлаждаться-RES-ART PP
 ‘Принеси холодной воды’ [Dumestre 2003, 234].

3.3.1.3.2. Под «причастием как членом предложения» Дюместр понимает возможность причастия функционировать как существительное и выполнять в предложении роль подлежащего или дополнения:

(3) sà-lén-w kó í ní sògomá!
 умирать-RES-PL PM 2.SG и утро
 ‘Мёртвые говорят: «Доброе утро!»’ [Dumestre 2003, 235].

3.3.1.3.3. В атрибутивной функции, в отличие от квалификативной, причастие характеризуется большей свободой относительно существительного, которое может быть оформлено собственным тоновым артиклем. В атрибутивной функции причастие может присоединяться в местоимениям и именам собственным, что невозможно в квалификативной функции.

(4) bá yé sánun ìn bìn-nén tà
 мать PM золото этот падать-RES брать
 ‘Мать взяла этот упавший слиток золота’ [Dumestre 2003, 236].

(5) à b’ à jéna kó à sà-lén dòn
 3.SG PM 3.SG думать что 3.SG умирать-RES PM
 ‘Он думал, что он умер’ [Dumestre 2003, 236].

3.3.1.3.4. В языке бамана в предикативной функции причастие может выступать в качестве ядра зависимой клаузы условно-временного предложения:

(6) dàlá` já-len, bágan-w té jí sòrò
 озеро-ART засыхать-RES скот-PL PM:NEG вода находить
 yóró sí
 место никакой

‘Поскольку озеро пересохло, скот не может нигде найти воды’.

В манинка, в отличие от бамана, в этой функции причастие на *-len/-nen* может использоваться и в простом предложении:

(7) ní fà ní ní ná sù-nén Bùwaké
 1.SG отец и 1.SG мать жить-RES Буаке

‘Мои отец и мать живут в Буаке’.

(8) à síla` lù bó-nen kórìma àlu télen-nén bórrò
 3.SG улица-ART PL выходить-RES хорошо 3.PL выпрямлять-RES EXPR

‘Его (города) улицы красивы, они очень прямые’.

3.3.1.3.4. Наконец, под стативно-результативной формой Дюестр понимает сочетание причастия и предикативного показателя *bé/té*:

(9) é dá-lén bé yàn
 2.SG лежать-RES PM здесь

‘Ты здесь лежишь’ [Dumestre 2003, 329].

3.3.1.4.5. В. Ф. Выдрин сводит всё это многообразие к меньшему количеству типов (4 вместо 5) и пользуется несколько отличной терминологией. Он выделяет следующие синтаксические функции причастий [Выдрин 2004, 163]: атрибутивную (соответствует квалификативной у Дюестра), аппозитивную (включает атрибутивную функцию и «стативно-результативную форму» по классификации Дюестра), предикативную (аналогично у Дюестра) и номинативную («причастие как член предложения» у Дюестра). Важно подчеркнуть, что один и тот же термин «атрибутивный» в терминологии двух исследователей обозначает разные функции причастия. В настоящей работе мы будем

пользоваться терминологией Ж. Дюместра не из каких-либо теоретических предпочтений, а лишь потому, что она уже была подробно изложена.

3.3.1.3.6. Канте, в отличие от Дюместра и Выдрина, не проводит различий между функциями причастий (в его терминологии – «глагольных присоединяемых прилагательных») эксплицитно. Примеры, которые он приводит, представляют собой лишь словосочетания, но не целые фразы, поэтому судить по ним о том, в какой функции употреблено то или иное причастие, довольно затруднительно. Таким образом, на данном этапе не удаётся обнаружить и следов скрытой классификации функций причастий. Однако, как будет показано в п. 3.3.1.4., Канте всё же дифференцирует функции слов на на *-len/-nen*.

3.3.1.3.7. Канте определяет имена на *-la/-na* и причастия на *-len/-nen* их как прилагательные «несовершенного» (*kédɔ tàminné*) и «совершенного» (*kédɔ bítá*) вида соответственно. В данном случае подход Сулеймана Канте совершенно не совпадает с европейским. Во-первых, в европейской традиции эти слова принято относить к другим частям речи. Во-вторых, в семантике имён на *-la/-na*, конечно, не выделяют никакого видо-временного компонента.

3.3.1.4. Под «дискурсивным присоединяемым прилагательным» (*mànkútu làkáli*) Канте понимает, по-видимому, причастие или прилагательное, употреблённое в предикативной функции (см. п. 3.3.1.3.4.). Вот приводимые им примеры: *í súmaman* ‘ты спокоен’, *à finnén* ‘он чёрный’, *à gbélen* ‘он белый/чистый’. Как и в предыдущих случаях, при отнесении этих слов к прилагательным Канте опирается лишь на то, что в их семантике есть компонент качественности; их синтаксическое поведение он полностью игнорирует.

3.3.1.5. Термин Канте *mànkutulanmá*, который можно приблизительно перевести как ‘[слово], имеющее показатель прилагательного’, обозначает то, что в европейской традиции называют предикативными прилагательными, т.е. прилагательные, употребляемые с предикативными показателями *ká* (аффирмативный) и *mán* (негативный):

(10a)	à	ká	bòn	(10b)	à	mán	bòn
	3.SG	PM	большой		3.SG	PM:NEG	большой
			‘Он большой’.				‘Он не большой’.

3.3.1.6. Последний подкласс, выделяемый Канте – «числительные прилагательные» (*mànkútu dàmafólá*). Он включает как «подлинные» числительные (напр., *cémé* ‘сто’ или *mùwán* ‘двадцать’), так и все прилагательные с количественным значением, напр. *béé* ‘все’ *yíríka* ‘несколько’, *síyaman* ‘много’, и т.д.

3.3.2. «Неприсоединяемое прилагательное» (*mànkútu tùunbáli*) – это «это такое прилагательное, смысл которого можно понять, даже если оно не присоединено к прилагательному или имени» [Канте, 11]. Под этим термином Канте понимает то, что в европейской традиции называют «субстантивированным прилагательным». Внутри «неприсоединяемых прилагательных» Канте выделяет три подкласса.

3.3.2.1. К первому подклассу он относит: 1) субстантивированные прилагательные с адекватизирующим суффиксом *-ma* (напр., *sáyíma* ‘[некто] жёлтое’, *ɲímá* ‘[некто] хорошее’); 2) непредикативные прилагательные, образованные от предикативных при помощи суффикса *-man* (напр., *síyaman* ‘[некто] многочисленное’, *díman* ‘[некто] вкусное’); 3) порядковые числительные, образованные от количественных при помощи суффикса *-nan* (напр., *sábanan* ‘третий’, *tánnan* ‘десятый’); 4) слова с аугментативным суффиксом *-ba* (напр., *kùnbabá* ‘толстый человек’). Наконец, в этот класс Канте включает имена, состоящие, с точки зрения истории языка, из корня и суффикса *-ba*, в процессе лексикализации превратившихся в одно знаменательное слово, ср. *wára* ‘хищник (особенно из семейства кошачьих)’ и *wára-ba* ‘лев’, но не *‘большой хищник’

3.3.2.2. Второй подкласс «неприсоединяемых прилагательных» включает в себя следующее: 1) слова, образованные от имён при помощи суффикса *-ma* (напр., *hánkilima* ‘умный [человек]’, *kónɔma* ‘беременная [женщина]’); 2) слова с пациентивным суффиксом *-to* (*jànkaroṭó* ‘больной’); 3) слова с суффиксом имени обитателя какой-либо местности *-ka*

(*kánkanka* ‘житель Канкана’, *ábijanka* ‘житель Абиджана’). В европейской лингвистике все эти три класса слов трактуются совершенно по-разному. Рассмотрим их более подробно.

3.3.2.2.1. Суффикс *-ma* присоединяется к именным основам и образует прилагательное с орнативным значением (обладание тем или иным качеством, предметом, свойством): *hánkili* ‘ум’ + *ma* → *hánkilima* ‘умный’, *kɔ́nɔ* ‘живот’ + *ma* → *kɔ́nɔma* ‘беременная’, *nàfá* ‘польза’ + *ma* → *nàfamá* ‘полезный’, *túlu* ‘масло’ + *ma* → *túluma* ‘масляный’ и т.д. Все подобные прилагательные могут быть субстантивированы путём опущения определяемого существительного:

(11a) *kɔ́nɔ-ma`* *nà-ná*
 живот-ADJ-ART приходить-PRF
 ‘Беременная пришла’.

(11b) *mòso* *kɔ́nɔ-ma`* *nà-ná*
 женщина живот-ADJ-ART приходить-PRF
 ‘Беременная женщина пришла’.

(12a) *à* *yé* *hánkili-ma`* *lé* *dí*
 3.SG PM ум-ADJ-ART FOC PP
 ‘Он умный’.

(12b) *à* *yé* *mɔ̀* *hánkili-ma`* *lé* *dí*
 3.SG PM человек ум-ADJ-ART FOC PP
 ‘Он умный человек’.

В примерах, обозначенных буквой «а», интересующие нас слова выступают как существительные, а в примерах под буквой «b» – как прилагательные. Ситуация, таким образом, оказывается несколько более сложной, чем её рисует Канте.

3.3.2.2.2. Слова с суффиксом *-ka* в европейской традиции относят к существительным (см., например, [Dumestre 2003, 60]). Суффикс *-ka* присоединяется к именам собственным, обозначающим географические названия, а также к некоторым

именам с локативным значением: *Kánkan* + *-ka* → *kánkanka* ‘житель Канкана’, *Ábijan* + *-ka* → *ábijanka* ‘житель Абиджана’, *yàn* ‘здесь’ + *-ka* → ‘здешний житель’. Адъективизироваться такие существительные не могут, словосочетания вроде **m̀̀̀ kánkanka* ‘человек, живущий в Канкане’ неграмматичны. Таким образом, Сулейман Канте относит этот класс слов к прилагательным, основываясь лишь на их семантике.

3.3.2.2.3. Остаётся совершенно непонятным, почему Канте объединил три рассмотренных выше класса слов в одну группу. С точки зрения европейской лингвистики, их мало что объединяет. Как уже не раз было показано выше, Канте часто опирается исключительно на семантический критерий, но выделить в семантике этих слов какой-либо общий компонент, отличающий их, скажем, от слов, которые будут рассмотрены в следующем параграфе, затруднительно.

3.3.2.3. Третий подкласс «неприсоединяемых прилагательных» включает:

1) имена, образованные от глаголов при помощи агентивного суффикса *-baa* (*nà* ‘приходить’ + *-baa* → *nàbaa* ‘тот, кто пришёл’, *bɔ́* ‘выходить’ + *-baa* → *bɔ́baa* ‘тот, кто вышел’);

2) имена, образованные от глаголов при помощи суффикса имени пациенса *-baatɔ́* (*fâa* ‘убивать’ + *-baatɔ́* → *fâabaatɔ́* ‘тот, кого убивают’);

3) суффикса негативного причастия *-bali* (*m̀̀̀* ‘стыдиться’ + *-bali* → *m̀̀̀bali* ‘бесстыдный’);

4) суффикса дебитативного причастия *-ta* (*fêre* ‘продавать’ + *-ta* → *fêretá* ‘то, что нужно продать’);

5) агентивного суффикса *-la* (*táa* ‘идти’ + *-la* → *táala* ‘тот, кто идёт’);

6) инструментального суффикса *-lan* (*têe* ‘рубить’ + *-lan* → *têelán* ‘топор’);

7) суффикса отглагольного имени *-li* (*fâa* + *-li* → *fâalí* ‘убийство’).

3.3.3. Определение «промежуточных» прилагательных (*m̀̀̀kútu tédɔ́*), которое даёт Канте, очень кратко: “Это прилагательное, которое совпадает и с присоединяемым, и с

неприсоединяемым прилагательным” [NK1, 12]. Судя по примерам, этим термином Канте обозначает слова, которые могут функционировать и как прилагательные, и как существительные: *bèlebéle* ‘толстый; толстый человек’, *kénde* ‘здоровый; здоровый человек’, *sàlá* ‘ленивый; ленивый человек’.

3.4. Предикативный показатель (*bósolan*)

Термин *bósolan* образован, по-видимому, от глагола *bóso* ‘снимать шкуру’, хотя смысл такого семантического переноса не вполне ясен.

Этот термин Сулеймана Канте почти точно совпадает с соответствующим европейским термином. Речь идёт об аналитических приглагольных показателях вида, времени и модальности. Ж. Дюместр называет их «показателями спряжения» (*les marques de conjugaison*) [Dumestre 2003, 203]. Канте определяет предикативные показатели (ПП), как «слова, которое ставятся перед или после глаголов и показывают их время» [NK1, 14].

3.4.1. Порядок слов в глагольном предложении языка манинка таков: подлежащее – ПП – (прямое дополнение) – глагол-сказуемое – (непрямое дополнение). Как видно, предикативный показатель всегда занимает позицию после подлежащего, например:

(13) m̀òsò` kà ǹónò dí à dén` mà
женщина-ART PM молоко давать 3SG ребёнок-ART pp
‘Женщина дала молока своему ребёнку’.

Исключение из общего правила составляет ПП *-da (-ra)*, который присоединяется к глагольным основам в качестве суффикса: *à táa-da* ‘Он ушёл’. Канте, впрочем, суффиксом его не считает и отделяет на письме от глагола пробелом.

Кроме того, в языках манден существуют устойчивые сочетания ПП с послелогом, причём две конструкции могут различаться только наличием/отсутствием послелога, ср. оптативную (14a) и имперфективную (14b) конструкции в языке манинка:

(14a)	à	yé	táa	(14b)	à	yé	táa	lá
	3SG	PM	идти		3SG	PM	идти	PP
	‘Пусть он пойдёт’.				‘Он идёт’.			

Конструкцию *yé...lá* Канте рассматривает как единое целое, упуская при этом два существенных вопроса: во-первых, о статусе форманта *lá*, который мы до сих пор по традиции называли послелогом; во-вторых, о частеречной принадлежности знаменательного элемента в этой конструкции (*táa* в примере 14b), а именно о том, является ли он глаголом или существительным. В своём описании языка мандинка [Creissels 1983, 170-172] Д. Кресель предлагает ряд критериев для решения сходных вопросов грамматики этого близкородственного языка. Приведём только те из них, которые применимы к материалу мандинка (1, 2), переформулируем некоторые из них (3) и добавим новый (4): 1) возможность вставки между глагольной основой и послелогом фокусирующей частицы *lé*; 2) допустимость замены глагольной основы местоимением 3 л. ед. ч. *à*; 3) может ли глагольная основа присоединять тоновый артикль; 4) образует ли глагольная основа вместе с прямым дополнением единую тонально-компактную синтагму. Конструкция *yé...la* получает по всем критериям знак «←» и должна быть, таким образом, признана глагольной. Что же касается форманта *la*, то его следует признать суффиксом, т.к. между ним и глаголом невозможна никакая вставка.

3.4.2. В работе [Идиатов 2003, 321] видо-временная система языка бамана характеризуется как аспектуально ориентированная, хотя и отмечается, что в силу семантической близости категорий времени и вида за отдельными ПП закрепляется ещё темпоральное значение. Приведённую характеристику, как представляется, можно со всей справедливостью отнести и к мандинка.

Для удобства приведём таблицу показателей вида, времени и модальности языка мандинка. Причастия на *-len/-nen* и на *-tɔ* включены в неё, т.к. могут использоваться в предикативной функции (см. п. 3.3.1.3.4.). Разумеется, все подписи в левом столбце – не

более чем предварительные ярлыки; видо-временная система языка манинка ещё нуждается в дополнительном изучении.

Таблица 5. Система показателей вида, времени и модальности языка манинка

	Аффирматив	Негатив
Перфектив	<i>kà</i> (переходн.), <i>-da</i> (непереходн.)	<i>má</i>
Перфект	<i>báda</i> (<i>bára</i>)	
Результатив	<i>-len/-nen</i>	
Имперфект	<i>yé...-la</i>	<i>té...-la</i>
Прогрессив	<i>-tɔ</i>	
Футурум 1	<i>dí</i>	<i>té</i>
Футурум 2 (редк.)	<i>dínà, bénà</i>	<i>ténà</i>
Оптитив	<i>yé</i>	<i>kána, ká</i>
Императив	∅	

Как видно из таблицы, система показателей вида, времени и модальности языка манинка несимметрична в том смысле, что аффирмативные формы количественно преобладают над негативными. Нескольким формам аффирматива может соответствовать, таким образом, только одна негативная. Подобная ассиметрия видо-временных систем характерна для многих африканских языков.

Канте делит всё это многообразие показателей на следующие категории:

- 1) недавно прошедшее [время] (*tàminnen kúda*): *báda*;
- 2) давно прошедшее [время] (*tàminnen kódo*): *kà, da*;
- 3) настоящее [время] (*bíntá*): *yé ... lá*;
- 4) близкое будущее [время] (*nàtɔ jóna*): *bé, dí, tɔ*;
- 5) далёкое будущее [время] (*nàtɔ ján*): *bénà, dínà*.

Помимо форм, приведённых в Таблице 5, список Канте включает формы *bé* и *bénà* (имперфектива и футурума соответственно), которые принадлежат языку бамана и в манинка встречаются чрезвычайно редко (по-видимому, под влиянием бамана). Канте подробно не обсуждает семантику видо-временных показателей, ограничиваясь лишь их

объединением в группы и наименованием. Причастие на *-tɔ* Канте относит к показателям будущего времени, хотя это не единственное (и не основное) его значение.

В зависимости от того, каким способом ПП присоединяются к глаголу, Канте делит их на два типа: препозитивные (*néta*) и постпозитивные (*kóta*). В европейской традиции последние обычно рассматриваются как суффиксы.

Как ни странно, отрицательные ПП не включены в часть речи *bósolan*. Вместо этого они считаются частицами (*kùnkúdu*), см. п. 3.6.2. По-видимому, здесь влияние арабской или французской грамматической традиции пересиливает логику, диктуемую самим материалом языков манден: отрицательные и утвердительные приглагольные показатели в этих языках занимают одну и ту же синтаксическую позицию, а в отдельных случаях имеют сходство на субморфном уровне (ср. утвердительный и отрицательный показатель имперфектива языка бамана *bé* и *té*). В арабском же и французском языках глагольное отрицание передаётся при помощи частиц, присоединяемых к утвердительным формам глагола. Относя отрицательные приглагольные показатели к частицам, Канте очевидным образом калькирует арабскую или французскую грамматическую традицию.

3.5. Глагол (*kúmasobo*).

3.5.1. Канте определяет глагол как «слово, управляемое предикативным показателем, который показывает его время» [NK1, 21]. Основываясь, по-видимому, на совмещённом семантико-синтаксическом критерии, Канте выделяет три роли основных роли в ситуации: деятель (*kébaa*), пациенс (*kébaatɔ*) и действие *kéli*. Принимая первые две роли за основу, он выделяет четыре типа глаголов:

1) Непереходный глагол (*kúmasobo dānjedelá*). “Его действие целиком ограничено деятелем” [NK1, 21]. Примеры, приводимые Канте: *ń báda nà* ‘я пришёл’, *à báda sà* ‘он умер’.

2) Переходный глагол (*kúmasobo tàminnjédela*). “То, что делает деятель, направлено на другого. Этот другой - пациент” (там же). Примеры: *ń bad’à gbàsi* ‘я ударил его’, *à kà àlú tóro* ‘он потревожил их’.

3) Возвратный глагол (*kúmasobo kénjèdelá*). “То, что делает деятель, направлено на него самого. Он сам и деятель, и пациент” (там же). Примеры: *ń báda ń wili* ‘я встал’, *í bád’í mìn* ‘ты утолил жажду’.

4) Реципрокальный глагол (*kúmasobo kérénná*). “Многие люди делают это. Они делают это вместе. Все они и деятели, и пациенты” (там же). Примеры: *àlú kà jón kèle* ‘они воевали друг с другом’, *álu yé jón kànin* ‘любите друг друга’.

Несмотря на то, что определения Канте отсылают в основном к семантике, формальные основания для выделения в манинка четырёх перечисленных типов глаголов есть. Первые два типа ожидаемо отличаются друг от друга отсутствием и наличием прямого дополнения. Стоит, однако, отметить, что Канте обходит вниманием проблему существования в манинка (и других языках манден) лабильных глаголов, т.е. таких, которые могут употреблять как в переходном, так и в непереходном значении, не меняя при этом своей формы.

Возвратные глаголы выделяются в манинка на том основании, что позицию прямого дополнения при них занимают местоимения особой (рефлексивной) серии. По внешней форме они большей частью совпадают с местоимениями неэмфатической серии. Что касается реципрокальных глаголов, то позицию прямого дополнения при них занимает реципрокальное местоимение *jón*.

3.5.2. Канте выделяет у глагола категорию *kòrokó*⁶, не имеющую точного соответствия в европейской традиции. Иначе он именует её *kúmasobo bóso já lù*, т.е. «типы спряжения глагола». *kòrokó*, согласно Канте, бывает двух типов: *kòroko búlebule*⁷ и *kòroko tánbon*. И. Конде интерпретирует это как «совершенный вид» (mode complet) и

⁶ Исходное значение слова: «форма для изготовления кирпичей».

⁷ Буквально «тучный, полный».

«несовершенный вид» (mode incomplet) соответственно [Condé 2008, 48], что, как будет показано далее, не совсем верно. Кроме того, у каждого из типов *kòrokó* Канте выделяет две функции (*kéli*): *béde* ‘настоящая, исходная’ и *dòsànéén* ‘прерванная’. Всего, таким образом, получается четыре типа: *kòroko búlebule kéli béde*, *kòroko búlebule kéli dòsànéén*, *kòroko tánbon kéli béde*, *kòroko tánbon kéli dòsànéén*. Рассмотрим их более подробно.

1) *kòroko búlebule kéli béde*. В этот тип Канте включает утвердительные высказывания вроде *ń yé nà lá* ‘я прихожу’, *ń báda nà* ‘я пришёл’, *í wáda* ‘ты пошёл’. Как будет показано в следующем пункте, их, по мнению Канте, отличает отсутствие частицы *sá*.

2) *kòroko búlebule kéli dòsànéén*. Канте комментирует этот тип так: «Деятель (*kébaa*) *búlebule* в исходной функции успешно выполняет своё действие (*kéli*). Если же оказывается так, что что-то встречается между деятелем и его действием и мешает ему выполнить его, то тогда перед глаголом ставится *sá* и становится понятно, что что-то встряло перед действием и помешало ему» [NK3, 22]. Он приводит, в частности, такие примеры: *sá ń báda bó* ‘я чуть не вышел’, *sá ń wáda* ‘я чуть не ушёл’. Канте отмечает, что в сочетании с показателями будущего времени частица *sá* передаёт значение близкого будущего: *sá ń dí wá* ‘я скоро уйду’. Надо заметить, что ни в одном из доступных мне словарей манинка и прочих языков манден слова *sá* в описываемом Канте значении не содержится. Ни разу не встречалось оно мне и в текстах. Даже если подобная модель и существует, а не придумана Канте, то её следовало бы признать крайне редкой, если не маргинальной.

Что же заставило Сулеймана Канте выделить в манинка отдельную категорию *kéli* (назовём её категорией успешности/неуспешности действия)? Можно предположить следующее: зная, что во французском языке и арабском языках подобное значение грамматикализовано и регулярно выражается вспомогательными глаголами *faillir* и *kāda* соответственно, Канте посчитал необходимым выделить сходное явление и в манинка. Подобное влияние других языков на интерпретацию материала манинка удивляет меньше, если вспомнить, что предикативые показатели манинка Канте интерпретирует под таким же

влиянием иноязычного материала (см. п. 3.4.2.). Интересно, что для выражения этого же значения в манинка есть и более продуктивная модель, использующая вспомогательный глагол *jíni* (с исходным значением ‘искать’), но её Канте по какой-то причине обходит своим вниманием.

3) *kòroko tánbon kéli béde*. В этот тип Канте включает высказывания с формантом *tìn*. Этот показатель занимает позицию перед ПП (или перед глаголом в случае суффиксального ПП) и, таким образом, не входит в основную парадигму показателей вида, времени и модальности (см. таб. 5). Можно сказать, что он вводит второе измерение в преимущественно одномерную видо-временную систему манинка. Проиллюстрируем это примерами, позаимствованными из «Грамматики»:

(15a) *ń* *yé* *nà-lá*
 1.SG PM *приходить-SUF*
 ‘Он ходит’ [NK3, 21].

(15b) *ń* *tìn* *yé* *nà-lá*
 1.SG RETR PM *приходить-SUF*
 ‘Он ходил’ [NK3, 24].

(16a) *ń* *báda* *nà*
 1.SG PM *приходить*
 ‘Я пришёл’ [NK3, 21].

(16b) *ń* *tìn* *báda* *nà*
 1.SG RETR PM *приходить*
 ‘Я приходил (но уже ушёл)’ [NK3, 24].

Употребление *tìn* без ПП невозможно. В широком смысле *tìn* можно охарактеризовать как показатель ретроспективного сдвига (об этом термине см. [Плунгян 1998]). В [Идиатов 2003] у аналогичного показателя *tǐn* в языке бамана выделяются следующие частные значения:

- претерит;
- плюсквамперфект;
- аннулированное (прекращённое) прошлое;
- ирреалис.

В единственном известном мне исследовании видо-временной системы манинка [Hoover 2000] информации о показателе *tìn* не содержится. По-видимому, это объясняется

тем, что в нём рассматривается нарративный текст, в то время как в [Идиатов 2003] отмечается, что *tún* чаще возникает в контексте диалога. Предварительно же можно сказать, что для *tín* в манинка характерны те же значения, что и для баманского *tún*, хотя функционирование показателя *tín* и нуждается в специальном исследовании.

4) *kòroko tánbon kéli dósàné*. Различие между этим типом и *kòroko tánbon kéli béde* такое же, как и различие между типами, описанными под цифрами 1 и 2, т.е. сводится к наличию и отсутствию частицы *sá*.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что выделение Канте грамматической категории *kòroko* и двух граммем (*búlebule* и *tánbon*) в ней предстает вполне обоснованным. Категория Канте *kòroko* в европейской традиции соответствует категории ретроспективного сдвига. *búlebule* и *tánbon* соответствуют, в таком случае, граммам «отсутствие ретроспективного сдвига» и «наличие ретроспективного сдвига» соответственно.

Выделение категории *kéli* (этот термин можно примерно перевести как «способ действия») и её граммем *kéli béde* и *kéli dósàné* предстает, напротив, весьма спорным потому, что само её существование не находит подтверждения в языке.

3.5.3. В третьем томе «Грамматики» Канте также выделяет два типа типа использования глаголов: *jàmarilí* (от *jàmá* ‘приказывать’) и *fánantili* (от *fánanti* ‘запрещать’). Это примерно соответствует понятиям «императив» и «прохибитив» в европейской традиции, с той лишь оговоркой, что, как уже отмечалось, видо-временная система манинка несимметрична и аффирмативным формам императива и опатива соответствует лишь одна негативная форма (см. таб. 5). Рассмотрим более подробно эти понятия.

«Императив (*jàmarilí*) – это принуждение человека делать какое-либо дело, которое выражено в глаголе» [НКЗ, 26]. Под этим термином Канте объединяет собственно императив, выражаемый нулевым показателем и опатив, выражаемый ПП *у́*. Отличия между этими двумя показателями сводится к следующему: собственно императив (Ø)

может выражать только побуждение, относящееся ко второму лицу, III *yé* употребляется со всеми лицами. К императиву Канте также относится редкий для манинка показатель *bé*, основным значением которого является имперфектив, но который может передавать и императивные (в широком понимании этого термина) значения. В зависимости от комбинации лица, числа, валентности глагола и задействованного III Канте выделяет десять типов употребления императива и описывает каждый из них по отдельности.

«Прохибитив (*fánantili*) выражается так же, как императив, но *yé* никогда не употребляется в прохибитиве» [NK3, 27]. К прохибитиву Канте относит III *ká* и *kána*. Различие между ними, по его мнению, заключается в том, что *ká* относит побуждение к настоящему времени, а *kána* к будущему (*lólali*). Это замечание Канте нуждается в проверке с информантами.

3.5.4. В завершение разговора о глаголе Сулейман Канте выделяет пять «ветвей глагола» (*kúmasobo bólon nù*). Рассмотрим их подробно.

3.5.4.1. Первая «ветвь». «Собственно глагол» (*kúmasobo jèdè*). Канте даёт ему такое определение: «К нему присоединяются имена и местоимения и делают его время настоящим, прошедшим или будущим или же делают его императивом или прохибитивом. Конечный тон собственно глаголов ровный». Как видно, под этим термином Канте понимает то, что и в европейской традиции (на синтаксических и морфологических основаниях) считают глаголом.

3.5.4.2. Вторая «ветвь». «Имя действия» (*kéli tó*). Сюда Канте включает:

1) Именные отглагольные дериваты с суффиксом *-li*. Значение: имя действия или процесса. Примеры: *táa* ‘ходить’ → *táa-li* ‘хождение’, *fãa* ‘убивать’ → *fãa-li* ‘убийство’, *nà* ‘приходить’ → *nà-li* ‘приход’, *gbàsí* ‘бить’ → *gbàsi-li* ‘избиение’ и т.д. Описания их семантики Канте не даёт и не вводит специального термина для их обозначения.

2) Именные отглагольные дериваты с суффиксом *-ya*, которые Канте именуется «именем обстоятельства» (*lihála tɔɔ*). Примеры: *sà* ‘умирать’ → *sà-ya* ‘смерть’, *màlò* ‘стыдиться’ → *màlò-ya* ‘стыд’, *jǐ* ‘злиться’ → *jǐ-ya* ‘злоба’.

3) «Имя глагола» (*kúmasobo tɔɔ*), т.е. синтаксические именные отглагольные дериваты: *fúdu* ‘жениться, свадьба’, *kànín* ‘любить, любовь’, *bòrí* ‘бежать, бег’, *sèné* ‘обрабатывать землю, сельскохозяйственные работы’ и т.д.⁸

4) «Имя образованное от составного глагола» (*kúmasobo sóoronèn kílí tɔɔ*). Речь идёт об одном из видов так называемых «словах-конгломератов» (термин Ж. Дюместра, см. [Dumestre 2003, 79-92]), т.е. сложных слов, каждый компонент которых сохраняет свой тон. Слова, о которых пишет Канте, строятся по следующей схеме: глагол + местоимение 1 л. ед. ч. *ń*⁹ + послелог, например: *bɔ-ń-dɔ* (выходить-1SG-PP) ‘похожий’, *jìn-ń-ná* (злиться-1SG-PP) ‘злоба’ и т.д.

5) Синтаксические именные дериваты от реципрокальных глаголов: *ńɔɔn gbási* ‘избиение друг друга’, *ńɔɔn sɔ* ‘взаимные подарки’, *ńɔɔn kílí* ‘подзывание друг друга’ и т.д. От обычных синтаксических дериватов, рассмотренных под цифрой 3, эти слова отличает наличие в их структуре прямого дополнения, выраженного реципрокальным местоимением *ńɔɔn*.

Как видно, под «именем действия» (*kéli tɔɔ*) Канте понимает любые случаи глагольной субстантивации, как синтаксической, так и морфологической.

3.5.4.3. Третья и четвёртая «ветви» включают в себя имена деятеля (*kébaa tɔɔ*), имена пациенса (*kébaatɔ tɔɔ*), имена инструмента (*kélan tɔɔ*). Сюда Канте относит все именные отглагольные дериваты с суффиксами *-baa* (имя деятеля), *-la* (имя деятеля), *-baatɔ* (имя

⁸ Здесь уместно провести параллель с европейским понятием «вербономинал», впервые введённом М. Уисом. Под «вербономиналом» последний понимал слово, которое может функционировать как имя и как глагол, не меняя при этом своей формы [Houis 1981]. Это понятие было справедливо подвергнуто критике в [Dumestre 1987] и [Выдрин 2004].

⁹ Его в данной позиции Канте считает инфиксом, см. п. 3.6.1.

пациенса) и *-lan* (имя инструмента). Все подобные слова уже рассматривались в п. 3.3.2.3., где говорилось о том, что они отнесены Канте к другой части речи – «неприсоединяемому прилагательному». Приходится признать, что Канте в очередной раз допускает возможность двойной атрибуции слов к частям речи.

3.4.5.4. Наконец, пятую «ветвь» Канте называет «временем действия» (*kéli túma*). Сюда он включает слова с суффиксами *-to* (прогрессивное причастие, см. п. 3.3.2.2.2.) и *-tola* (редкий показатель, по-видимому, синонимичный *to*). Слова на *-to* относят в европейской традиции к причастиям [Выдрин 2004, 163; Dumestre 2003, 233]. Основным значением показателя *-to* является прогрессив. Подобно причастиям на *-len/-nen*, причастия на *-to* могут употребляться в атрибутивной и предикативной функциях (см. объяснения в п. 3.3.1.3.). По-видимому, отнести формы на *-to* и *-tola* к прилагательным (подобно формам на *-len/-nen*) Канте помешала их семантика.

3.6. Частица (*kùnkúdu*)

«Неполное слово называется частицей (*kùnkúdu*). Его смысл нельзя понять, если оно не присоединяется к другому слову или если какое-то другое слово присоединяется к нему или же если оно не встречается между двумя словами» [НКЗ, 35]. Эту часть речи Канте подразделяет на два подкласса.

Подкласс «примыкающих частиц» (*kúnkudu nárata*) включает то, что в европейской традиции принято называть аффиксами. Канте выделяет три вида «примыкающих частиц»: префиксы (*népara*), суффиксы (*kónara*) и интерфиксы (*ténara*). К «префиксам» он относит морфемы *da-*, *la-*, и *ma-*, которые признаются таковыми и европейскими лингвистами, а также лексикализованный формант *da-* ‘край’ в таких глаголах, как *dábilá* ‘заканчивать’ и *dámìné* ‘начинать’. К “интерфиксам” он относит только лишь формант *ń* (от местоимения 1 л. ед. ч. *ń*) в составе таких слов-конгломератов (*kúmasobo sóronen kili tóo* в терминологии Канте, дословно «имя образованное от составного глагола»), как *jìnná* ‘злоба’. Что

касается суффиксов, то за примерами Канте отсылает читателя к главе, посвященной «неприсоединяемым прилагательным» (см. п. 3.3.2.).

Подкласс «присоединяемых частиц» (*kùnkúdu tùuntá*) включает слова, обычно относимые в европейской традиции к частицам (напр., *háli* ‘даже’) и союзам (напр., *ní* ‘если, когда’, *kàbíí* ‘начиная с’, *bá* ‘потому что’), но также отрицательные эквиваленты предикативных показателей (*té, ténà, má*), предикативные показатели императива и оптатива (*ká, kánà*), показатель инфинитива *kà*, предикативный показатель говорения *kó*, посессивную связку *lá/ná*, показатель вероятного будущего *máa/mána* и некоторые другие слова. Очевидно, что этот подкласс составлен Канте по остаточному принципу.

Понятия Канте «примыкающая частица» (*kùnkudu nárata*) и «присоединяемая частица» (*kùnkúdu tùuntá*) соотносятся с европейскими понятиями «аффикс» и «клитика» соответственно. Хотя Канте и не проводит этого различия эксплицитно, ясно, что под «примыканием» он понимает меньшую свободу служебной морфемы относительно знаменательной, а под «присоединением» – большую.

3.7. Наречие (*kàlá*)

Основываясь на семантическом критерии, Канте выделяет три типа наречий:

1) Наречия времени (*wáati kàlá*, напр., *fóló* ‘раньше’, *kúnùn* ‘вчера’, *sísèn* ‘сейчас’).

2) Наречия места (*yóro kàlá*, напр., *yàn* ‘здесь’, *yèn* ‘там’). *yàn* ‘здесь’ и *yèn* ‘там’ с точки зрения европейской лингвистики являются не наречиями, а локативными существительными.

3) Наречия образа действия (*kéna kàlá* от *lihála kàlá*, напр., *kósèbè* ‘хорошо’, *kójuu* ‘слишком’, *kójima* ‘хорошо’).

3.8. «Вопрос» (*jìninkalí*)

jìninkalí – самая спорная часть речи, выделяемая Канте. Он определяет её следующим образом: «Смысл вопроса в поиске понимания» [NK1, 28]. Канте разделяет эту часть речи на четырнадцать подклассов в зависимости от предмета вопроса. Так, он выделяет вопросы о людях (*mɔɔ tá*), о вещах (*fén tá*), местах (*yɔrɔ tá*), числах (*yíríka ní sànkó tá*) и т.д. Эти подклассы включают не только «европейские» вопросительные частицы (такие как *jón* ‘кто’, *mùn* ‘что’, *jèli* ‘сколько’), но также и целые фразы, пусть и устойчивые: *í ká kéndè?* ‘как твоё здоровье?’, *hára sɪdá* ‘хорошо ли ты спал?’.

3.9. Экспрессивное наречие (*dògbeleyalí*)

Термин Канте *dògbeleyalí* полностью соответствует европейскому термину «экспрессивное наречие». Под ним понимают особый класс слов, ведущих себя в целом как обычные наречия, но отличающиеся от них следующими характеристиками [Dumestre 2003, 294-295]:

1) Мотивированная связь между планом выражения и планом содержания (т.е. идеофоничность).

2) Особый фонемный и тонемный состав. Экспрессивные наречия часто содержат фонемы отсутствующие в прочих словах языка (гортанная смычка, фрикативный /ʎ/), а также редкие фонемы (/c/, /p/, /z/) и произносятся со сверхвысоким тоном.

3) Экспрессивные наречия часто редуцированы.

Канте различает два подкласса внутри части речи *dògbeleyalí*: «чистое экспрессивное наречие» (*dògbeleyalí kólikoli*, напр., *béresè* в *à fánen béresè* ‘он совершенно полон’, *ráyípayi* в *à kálaman ráyípayi* ‘он очень горячий’, *jɔkɔkɔ* в *à súmanen jɔkɔkɔ* ‘он очень холодный’) и «экспрессивное наречие, превратившееся в наречие образа действия» (*dògbeleyalí lihala kàlalamá*, напр., *fúse* в *à gbénen fuse* ‘он очень чистый’, *pónkin* в *à jànmán pónkin* ‘он очень высокий’, *tóetoe* в *à kùmunén tóetoe* ‘он очень кислый’). К сожалению, удовлетворительного

обоснования подобного разделения не содержится ни первом, ни в третьем томе «Грамматики». Синтаксически и морфологически слова этих двух подклассов одинаковы. Скорее всего, подклассы выделены по некому семантическому признаку, который, однако, остаётся для меня неясен.

3.10. Междометие (*kánto*)

Термин *kánto*, «междометие», также совпадает с соответствующим европейским термином. Основываясь на семантическом критерии, Канте выделяет пятнадцать типов междометий, напр., междометия удивления (*kábakoya*), крики боли (*dímin*), апеллятивы (*kílili*), междометия сомнения (*síka*), междометия радости (*séwa*), благословления (*dùbali*), междометия отказа (*máscsoli*), междометия ответа (*lámidali*) и т.д.

3.11. Выводы

Классификацию частей речи, разработанную Сулейманом Канте, можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 4. Части речи и критерии их выделения (по Сулейману Канте)

	Термин Сулеймана Канте	Дословный перевод термина и/или его «европейский» эквивалент	Возможные критерии
1	<i>tóó</i>	имя	синтаксис, семантика
1.1	<i>fòdoba tóó</i>	имя нарицательное	семантика, морфология (тоны)
1.2	<i>kèlenna tóó</i>	имя собственное	семантика, морфология (тоны)
2	<i>tóonòdòbila</i>	местоимение; дословно, “то, что занимает место имени”	синтаксис
3	<i>mànkútu</i>	прилагательное	семантика
3.1	<i>mànkútu tùuntá</i>	«присоединяемое прилагательное»	синтаксис
3.1.1	<i>tùunta náranen</i>	«примыкающее присоединяемое прилагательное»	морфология (суффиксы <i>-ba</i> и <i>-nin</i>)

3.1.2	<i>tùunta gbóku</i>	«краткое присоединяемое прилагательное»	морфология (тоны)
3.1.3	<i>tùunta kúmasoboma</i>	«глагольное присоединяемое прилагательное»	морфология
3.1.4	<i>mànkútu làkálí</i>	« дискурсивное присоединяемое прилагательное»	морфология
3.1.5	<i>mànkutulanmá</i>	предикативными прилагательными; дословно «[слово], имеющее показатель прилагательного»	синтаксис
3.1.6	<i>mànkútu dàmafólá</i>	«числительные прилагательные»	семантика
3.2	<i>mànkútu tùunbáli</i>	«неприсоединяемое прилагательное»	синтаксис
3.3	<i>mànkútu tédo</i>	«промежуточное прилагательное», т.е. слово, которое может функционировать как имя и как прилагательное	синтаксис
4	<i>bósolan</i>	предикативный показатель	синтаксис
5	<i>kúmasobo</i>	Глагол; дословно «мясо речи»	синтаксис
5.1	<i>kúmasobo dànjedelá</i>	непереходный глагол	синтаксис
5.2	<i>kúmasobo tàminnjédela</i>	переходный глагол	синтаксис
5.3	<i>kúmasobo kénjèdelá</i>	рефлексивный глагол	синтаксис
5.4	<i>kúmasobo kéɔɔnna</i>	реципрокальный глагол	синтаксис
6	<i>kùnkúdu</i>	частица	синтаксис, семантика
6.1	<i>kúnkudu nárata</i>	аффикс; дословно «примыкающая частица»	морфология
6.2	<i>kùnkúdu tùuntá</i>	«присоединяемая частица»	остаточный принцип
7	<i>kàlá</i>	наречие	синтаксис, семантика
7.1	<i>wáati kàlá</i>	наречие времени	семантика
7.2	<i>yóɔ kàlá</i>	наречие места	семантика
7.3	<i>kéɔna (lihála) kàlá</i>	наречие образа действия	семантика
8	<i>jìninkalí</i>	«вопрос»	семантика (крайний случай!)
9	<i>dògbeleyalí</i>	экспрессивное наречие; дословно «усиление»	синтаксис, семантика
9.1	<i>dògbeleyalí kólikoli</i>	«настоящее экспрессивное наречие»	семантика?
9.2	<i>dògbeleyalí lihala</i>	«экспрессивное наречие,	семантика?

	<i>kàlalamá</i>	превратившееся в наречие образа действия»	
10.	<i>kánto</i>	междометие	синтаксис, семантика
10.1	<i>kábakoya, dímin, kílii, síka</i> и др.	«удивление», «боль», «сомнение» и т.д.	семантика

Подходу Сулеймана Канте к обоснованию грамматики, как видно из всего сказанного в этой главе, недостаёт системности и формальных оснований. Так, например, выделяя все утвердительные прилагательные видовременные показатели в отдельную часть речи *kúmasobo*, их отрицательным эквивалентам (а также показателям наклонений) он отказывает во включении в этот класс и предпочитает отнести их к частицам (см. п. 3.4.).

Как известно, в современной «западной» лингвистике принято достаточно строго разделять грамматическую и словарную информацию при описании языка. Все регулярные языковые явления, в идеале, фиксируются в грамматическом описании, все нерегулярные – в словаре. В «Грамматике нко» этот принцип часто нарушается. Например, отдельную главку в третьем томе Сулейман Канте посвящает различению прилагательного *dó* ‘некоторый’ и послелога с широким локативным значением *dó*. Понятно, что эти два слова нетрудно перепутать, учитывая сходство их фонетического облика и то, что они могут занимать одно и ту же позицию в линейной последовательности (после имени). Важно то, что они описываются в «Грамматике» наравне с чисто грамматическими единицами, такими как предикативные показатели, словообразовательные именные аффиксы и т.п. Обсуждая очень сходный недостаток бирманской грамматической традиции, В. Б. Касевич замечает, что подобный подход продиктован самим аналитическим строем языка и что «отсутствие парадигм, составленных синтетическими словоформами, затрудняет вскрытие системности в языковом материале» [Касевич 1980, 208]. Представляется, что эти слова можно со всей справедливостью отнести и к грамматической традиции нко.

Стоит, однако, отметить, что, несмотря на непоследовательность в применении критериев при выделении частей речи, отсутствие системного подхода, порой неаккуратное обращение с языковым материалом и другие указанные недостатки, «Грамматика нко» остаётся уникальным исследованием, созданным носителем языка манинка. Сулейман Канте стал первым исследователем языков манден, использовавшим данные супrasegmentного уровня языка в обосновании грамматики. Лучшим подтверждением ценности «Грамматики» служит то, что она успешно используется в традиционной системе образования нко.

Глава 4. Лингвистическая терминология нко

4.1. Лингвистическая терминология Сулеймана Канте

В настоящий список я постарался включить, насколько это было возможно, всю лингвистическую терминологию, использованную в трёх томах «Грамматики нко» [NK1; NK2; NK3]. Многие из приводимых ниже терминов уже встречались в тексте работы, но представляется, что подобное дублирование информации не будет излишним. Дополнительными источниками послужили некоторые другие сочинения Сулеймана Канте [MP; NLK; NYL] и статья [Galtier, Kanté 1978], данные которой были дополнительно проверены по толковому словарю нко [DIC1; DIC2]. Содержание многих терминов более подробно обсуждается в основной части работы. Помета «евр.» указывает на европейский эквивалент термина. Термины Канте, не имеющие даже приблизительных соответствий в европейской традиции, даются в кавычках. В ломаных скобках даётся буквальный перевод терминов.

bóso <сдирать шкуру> – спрягать

bósoli <сдирание шкуры> – спряжение

bósolan <то, чем сдирают шкуру> – *евр.* предикативный показатель

cénkannin – «несопряжённое состояние»

dáfaja – слог, син. *gbě̀n*

dògbeyeyalí < усиление > – экспрессивное наречие

dùnduma tóó < собственное имя > = *kèlenna tóó*

dùuma kúma < низкая речь > – «низкая речь» (один из тональных классов, выделяемых Канте), см. тж. *sánma kúma*

dùuma tóó < низкое имя > – «низкое имя» (один из тональных классов, выделяемых Канте), см. тж. *sánma tóó*

fádalan < разделитель > – апостроф, син. *yílidóló*

fátantili < запрещение > – прохибитив

fòlí < говорение > – «говорение»; включает в себя жест (*kóreyá*), речь (*kúma*) и письмо (*sébeli*)

fòdoba tóó < общественное имя > – имя нарицательное

fówere – выражение, оборот речи

gbàralí < стяжение > – правило стяжения гласных на письме (см. Гл. 2)

gbě̀n – слог, син. *dáfaja*

gbéde < другой > – «другой» (один из участников речевого акта), *евр.* 3 лицо

gbóku < кратко > – краткий (о прилагательном)

jàmarilí < приказание > – императив, син. *lò̀nkolá*

jàmayá < множественность > – множественное число

jàmayalán < множитель > – показатель множественного числа

jàtelán < то, при помощи чего считают > – цифра

kán < язык > – язык

kánbolon < ветвь языка > – диалект

kángbe < чистый язык > – грамматика

kánkòdò < старый голос > = *kánmafanèn*

kánmafanèn < заполненный голос > – падающий тон

kánmajii < опускать голос > – низкий тон

kánmasere – тон

kánmayeεe < поднимать голос > – высокий тон

kánnabàranén < обработанный голос > – ровный тон

kánnadiyalan < украшатель голоса > – назализация

kánto < обращаться > - междометие

kàrakó < форма для кирпича > – *евр.* категория ретроспективного сдвига

kàrako búlebule – *евр.* отрицательная маркированность по категории ретроспективного сдвига

kàrako tánbon – *евр.* положительная маркированность по категории ретроспективного сдвига

kèlenna tóo < имя одного > – имя собственное

kèlenrà < единственность > – единственное число

kébaa < деятель > – агенс

kébaa kán < голос деятеля > – активный залог

kébaató < тот, над кем совершают действие > – пациенс

kébaató kan < голос того, над кем совершают действие > – пассивный залог

kédo – время

kédo bǐntá – настоящее время

kédo lóolali – будущее время

kédo tàminnéε – прошедшее время

kéli < действие > – «способ действия»

kéli béde < настоящее действие > - «полный способ действия»

kéli dósànéε < неполное действие > – «неполный способ действия»

kílili < подзывание > – звательная форма (имени)

kódo < смысл > – значение

kódo béde < настоящий смысл > – прямое значение

kóðo másɔdɔnnɛn < приобретённый смысл > – косвенное значение

kóðɔfɔlan < говоритель смысла > – словарь

kóðɔyidalan < показыватель смысла > – словарь

kónaga < то, что приклеивается сзади > – суффикс

kógeya < жест > – жест, мимика

kóta < то, что сзади > – постопозитивный (о предикативном показателе)

kúma < речь > – речь, человеческий язык вообще

kúmala < говорящий > – говорящий, *евр.* локутор

kúmaɲɛɛn < собеседник > – собеседник, *евр.* слушающий, адресат

kúmasobo < мясо речи > – глагол

kúmasoboma – «глагольный» (о прилагательном)

kúmatii < хозяин речи > – лицо, участник речевой ситуации

kùnkúdu < часть, кусок > – частица

kùntɔɔ – терминология

kúrundu – правило

làbesí – элизия гласных

làkáli < рассказывать > – дискурсивный (о прилагательном)

làkafolí – «несопряжённое состояние»

lɔɔlali – будущее время

lònkolá < > – императив, син. *jàmarilí*

mànkútu < репутация, известность, хвала > – прилагательное

mànkutulán < то, что делает прилагательным > – показатель квалификативного глагола (*ká, yá, yé*)

mànkútuta < то, что присоединяет прилагательное > = tɔɔ

mànkútu tùunbáli – «неприсоединяемое прилагательное»

mànkútu tùuntá – «присоединяемое прилагательное»

mànkútu tédó – «промежуточное прилагательное»

màntayá – орфография, син. *télenbe*

màsɔsɔlí – отрицание

làbára – см. kánnabàranén

màfá – см. kánmafafen

nàto <то, что придёт> – будущее время

nàto jóna <то, что придёт скоро> – близкое будущее время

nàto ján <то, что придёт не скоро> – отдалённое будущее время

náranen <приклеенный> – примыкающий (о прилагательном)

jénara <то, что приклеивается спереди> – префикс

jéta <то, что спереди> – препозитивный (о предикативном показателе)

jìnabotá – исключение

sàmanná – долгая гласная

sánma kúma <высокая речь> – «высокая речь» (один из тональных классов, выделяемых Канте), см. тж. *dùuma kúma*

sánma tóo - «высокое имя» (один из тональных классов, выделяемых Канте), см. тж. *dùuma tóo*

sébeli – письмо

sébelɔnbali – грамотный

sébesun – алфавит

sébesunyala – алфabetизация

sìiralán – гласная буква

sìiratá – согласная буква

télenbe – орфография, син. *màntayá*

tédó – «промежуточный» (о классах слов, буквах)

tóo – существительное

tó málɔnnɛn – имя в определённом состоянии

tó máfilínɛn – имя в неопределённом состоянии

tɔ̀nɔ̀dɔ̀bɪ́la – местоимение

tɔ̀nɔ̀dɔ̀bɪ́la t̀unbáli – неприсоединяемое местоимение, *евр.* эмфатическое местоимение

tɔ̀nɔ̀dɔ̀bɪ́la t̀untá – присоединяемое местоимение, *евр.* неэмафатическое местоимение

t̀unbáli – неприсоединяемый (о местоимениях, прилагательных)

t̀untá – присоединяемый (о местоимениях, прилагательных)

t̀unta gbóku – краткое присоединяемое [прилагательное], *евр.* прилагательное, образующее вместе с определяемым существительным единую тоновую синтагму

t̀unta kúmasoboma – примыкающее глагольное [прилагательное], *евр.* имя деятеля; перфектно-результативное причастие

t̀unta náranɛn – примыкающее присоединяемое [прилагательное], *евр.* диминутативный суффикс (-ba); аугментативный суффикс (-nin, -nen); суффиксоид со значениями «плод», «ребёнок», «элемент», «член коллектива» (-den, -ren)

yílidɔ̀lɔ̀ – апостроф, син. *fáðalan*

4.2. Влияние традиции нко на лингвистическую терминологию языков манден

Несмотря на то, что Сулейману Канте не удалось добиться признания официального статуса письма нко в Гвинее, правительство Первой республики активно привлекало его к участию в создании научной терминологии на языке манинка. В результате, значительная часть современной научной лексики этого языка заимствована из традиции нко.

Что же касается лингвистической терминологии других языков манден (и в первую очередь бамана), то логично было бы предположить, что влияние традиции нко могло иметь место хотя бы потому, что терминология нко была разработана раньше. Мне известно лишь одно специальное исследование, посвящённое лингвистической терминологии языков манден – статья, написанная французским лингвистом Жераром Галтье в соавторстве с

Сулейманом Канте [Galtier, Kanté 1978]. В ней в единую таблицу сведены термины, используемые восьмью различными объединениями, кружками и самостоятельными исследователями: 1) терминология службы алфabetизации республики Мали (DNAFLA), используемая на курсах по ликвидации неграмотности; 2) терминологии группы Мамаду Дукуре, использованная в грамматике «*Vamanankan tabèn*»; 3) терминология группы Diofla (по замечанию Галтье и Канте, она представляет собой синтез предыдущих двух); 4) терминология Сулеймана Канте; 5) терминология четырёх разных марабутов и преподавателей медресе в Мали. Проанализируем эту таблицу, чтобы выяснить, действительно ли имело место влияние. Помимо данных Галтье и Канте привлечём также данные недавней грамматики бамана на языке бамана [BM], составленной при участии крупного французского специалиста по языкам манден Жерара Дюестра.

Некоторые совпадения сразу бросаются в глаза. Так, во всех без исключения случаях часть речи «имя» называется *tó(g)ɔ*. Едва ли тут, однако, речь может идти о заимствовании термина из традиции нко. Скорее, это общая калька с французского «nom» или независимое введение одного и того же термина (второе легко представить себе, учитывая словарное значение слова *tó(g)ɔ* ‘имя, название’). То же самое можно сказать и про термин *jínikalan* ‘вопросительная частица’ (совпадает у Канте и в «*Vamanankan tabèn*»), термины *kán yéllennen, kányelen, kánmayele* ‘высокий тон’ и *kán jíginnen, kánjigin, kánmajii* ‘низкий тон’ («*Vamanankan tabèn*», кружок Diofla и Сулейман Канте соответственно) и некоторые другие. Лишь крайне немногочисленные случаи нельзя объяснить, по-видимому, никак, иначе как заимствованием из традиции нко: *kónara* ‘суффикс’ и *jénara* ‘префикс’ в терминологии Канте и *kónɔɔ* и *jénɔɔ* в терминологии кружка Diofla и в [BM]; *fóɔɔba tó(g)ɔ* ‘имя нарицательное’ в терминологии Канте, DNAFLA и одного из марабутов. В большинстве же случаев терминология Сулеймана Канте наиболее сильно отличается от всех прочих, приводимых в таблице. Приходится признать, что влияние традиции нко на

лингвистическую терминологию языка бамана было минимальным. Ни о каком теоретическом влиянии также, вероятно, не может идти и речи.

Заключение

Давая общую оценку лингвистической традиции нко, нужно принять во внимание, что формировалась она почти в полной изоляции от западной традиции изучения языков манден и западной лингвистики в целом. Многие её недостатки являются результатом такой изоляции.

В трудах Сулеймана Канте и его последователей основной упор делается не на теоретизирование, а на эмпирический анализ языкового материала. Среди основных достижений лингвистической традиции нко следует назвать:

1) Точное выявление фонологического строя языка и создание буквенного письма, адекватно отражающего его фонемный и тоновый состав. Представляется, что на базе фонологических терминов и понятий, введённых Канте, вполне возможно описывать и достаточно сложные фонологические явления в языках манден: тоновую комбинаторику, позиционные изменения тонов и т.д.

2) Создание лексикографической традиции, воплощённой в первую очередь в «Толковом словаре нко», но также и в двуязычных словарях, часть из которых, к сожалению, до сих пор не издана.

3) Попытка создания наддиалектной литературной нормы для всех языков манден. Конечно, едва ли можно сказать, что попытка эта действительно удалась. Тому мешают объективные причины: различия между идиомами манден, их разделённость государственными границами, низкий уровень грамотности мандингофонов (как на родном, так и на государственном языке). Но в масштабе Гвинеи влияние традиции нко на формирование литературной нормы языка манинка – свершившийся факт, причём влияние это со временем только усиливается.

4) Создание оригинальной грамматической традиции, которая, несмотря на все недостатки, успешно справляется с задачей, для выполнения которой была создана: обучение людей письму и чтению на родном языке.

Не стоит забывать, что лингвистическая традиция нко – явление живое и развивающееся. Именно поэтому подход к ней должен быть не просто научным, но критическим. Указав современным представителям традиции нко на её недостатки, западные исследователи могут благотворно повлиять на её развитие. А учитывая то, что нко тесно связано в Гвинее с системой образования (как официальной, так и неофициальной), такое влияние должно в конечном итоге положительно сказаться на качестве обучения. С другой стороны, западные исследователи больше не в праве игнорировать оригинальные труды Сулеймана Канте, содержащие немало ценных наблюдений над языками манден.

Сокращения

ADJ – адъективизирующий суффикс

EXPR – экспрессивное наречие

FOC – фокусирующая частица

IMP – показатель императива

INTS – инструментальный суффикс

PM – предикативный показатель

PM:NEG – отрицательный предикативный
показатель

PL – множественное число

PP – послелог

Q – вопросительная частица

PRF – перфектив

RES – результатив

RET – показатель ретроспективного сдвига

SG – единственное число

VN – суффикс отглагольного имени

эмф. – эмфатическое местоимение

неэмф. – неэмфатическое местоимение

Источники

- BM – *Diallo, Youssoufou et al.* Bamanankan maben ka jesin karamɔgɔw ma. Bamako: Editions Donniya, 2006. [Дьяло, Йусуфу и др. Грамматика языка бамана, предназначенная для учителей. Бамако: Editions Donniya, 2006.]
- DIC1 – *Kánte, Sùlemáana.* Nkó kódɔyidalan` wála fàsarilán` háman kódɔfɔlan. Kónakiri, 1998. [Канте, Сулейман. Толковый словарь нко. Конакри, 1998.]
- DIC2 – *Jàane, Bàbá Màmadi.* Nkó kódɔfɔlan kànjamáadi. Káahira, 2003. [Джане, Баба Мамади. Толковый словарь нко. Каир, 2003]
- MP – *Kanté, Souleymane.* Méthode pratique d'écriture N'Ko, Kankan, 1961 (по репринтному изданию 1995 года).
- NK1 – *Kánte, Sùlemáana.* Nkó kángbe kùnfɔlo. Kónakiri, 1996. [Канте, Сулейман. Начальная грамматика нко. Конакри, 1996.]
- NK2 – *Kánte, Sùlemáana.* Nkó kángbe kàfa filanán, Bámako, 1993. [Канте, Сулейман. Вторая книга грамматики нко. Бамако, 1993.]
- NK3 – *Kánte, Sùlemáana.* Nkó kángbe kùnbabá. Kánkàn, 1998. [Канте, Сулейман. Большая грамматика нко. Канкан, 1998.]
- NLK - *Kánte, Sùlemáana.* Nkó lɔnko káran` kàfa fɔlɔ`. Káahira, 2004. [Канте, Сулейман. Первая книга науки нко. Каир, 2004.]
- NYL – *Kánte, Sùlemáana.* Nìnikaliba lóolu n`à jèbí. Káahira, 2004. [Канте, Сулейман. Пять важных вопросов и ответы на них. Каир, 2004.]

Литература

- Алпатов В.М. (ред.)* Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Выдрин В.Ф.* И опять – части речи в бамана // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского, Москва: Знак, 2004, С. 145-173.

- Выдрин В.Ф., Томчина С.И.* Манден-русский словарь (бамана, манинка). Том 1., С.-Пб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Давыдов А.В.* О «Грамматике нко» Сулеймана Канте // Петербургская африканистика. Сборник памяти А. А. Жукова, С.-Пб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2008, С. 204-213.
- Звегинцев В.А.* История арабского языкознания. Краткий очерк, М., 1958.
- Идиатов Д.И.* Семантика видо-временных показателей в языке бамана // Основы африканского языкознания. Глагол. М: Восточная литература, 2003, С. 259-324.
- Касевич В.Б.* Грамматическая традиция Бирмы // История лингвистических учений. Средневековый Восток, М.: Восточная литература, 1980, С. 202-209.
- Плунгян В.А.* Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Язык. Африка. Фульбе. / Сост. В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик. СПб. – М., 1998, с. 106-115.
- Amselle, Jean Loup.* Salvation through writing: The N'ko, a West African Prophetism // Diogenes, Vol. 45, No. 177, pp. 37-52, 1997.
- Charry, Eric.* Mande Music: Traditional and Modern Music of the Maninka and Mandinka of Western Africa. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2000.
- Condé, Ibrahima Sory 2.* Soulemana Kanté entre Linguistique et Grammaire: Le cas de la langue littéraire utilisée dans les textes en N'ko // Mande Languages and Linguistics: 2nd International Conference. Abstracts and Papers, St. Petersburg, 2008, pp. 35-52.
- Creissels, Denis.* Eléments de grammaire de la langue Mandinka. Grenoble: Publications de l'Université des Langues et Lettres, 1983.
- Dalby, David.* Survey of the indigenous scripts of Liberia and Sierra Leone: Vai, Mende, Looma, Kpelle and Bassa // African Language Studies, VIII, London: SOAS, 1967, pp. 1-51.
- Dalby, David.* The indigenous scripts of West Africa and Surinam: Their inspiration and design // African Language Studies, IX, London: SOAS, 1968, pp. 156-197.

- Dalby, David.* Further Indigenous scripts of West Africa: Manding, Wolof, and Fula Alphabets and Yoruba Holy Writing // African Language Studies, X, London: SOAS, 1969, pp. 161-181.
- Davydov, Artem.* On Souleymane Kante's "Nko Grammar" // Mande Languages and Linguistics: 2nd International Conference. Abstracts and Papers, St. Petersburg, 2008, pp. 53-60.
- Dumestre, Gérard.* Grammaire fondamentale du bambara. Paris: Karthala, 2003.
- Dumestre, Gérard.* Le bambara du Mali: Essai de description linguistique. Paris, Thèse de Doctorat d'Etat, 1987.
- Ebermann, Erwin.* Das N'Ko-Schriftsystem in Guinea – zwischen linguistischer Innovation und prophetisch-messianischer Bewegung // Wiener Zeitschrift für kritische Afrikastudien. Nr. 7/2004, pp. 63-83.
- Everson, Michael, Mamady Doumbouya, Baba Mamadi Diané & Karamo Jammeh.* Proposal to add the N'Ko script to the BMP of the UCS, 2004
(<http://std.dkuug.dk/jtc1/sc2/wg2/docs/n2765.pdf>)
- Galtier, Gérard & Kanté, Soulemane.* Le vocabulaire grammatical en bambara // Communications aux journées d'études manding (ERA 246), 1978, vol. 2, pp. 75-94.
- Giesing, Cornelia & Vydrine Valentin.* Ta:rikh Mandinka de Bijini (Guinée-Bissau). La mémoire des Mandinka et des *Sooninkee* du Kaabu, Leiden & Boston: Brill, 2007.
- Gregoire, Claire.* Le maninka de Kankan. Eléments de description phonologique. Tervuren, 1986.
- Hoover, Carole Lynn.* Tense and Aspect in Maninka Narrative Discourse, MA Thesis, 2000, The University of Texas at Arlington.
- Houis, Maurice.* Les schèmes d'énoncés en bambara // Mandenkan 1, 1981.
- Lettres de Souleymane Kanté et Maurice Houis édité par Valentin Vydrine // Mande Studies 3, 2001, pp. 133-146.
- Travéle, Moussa.* Petit dictionnaire français-bambara et bambara-français. Paris: Librairie Paul Geunther, 1913.

- Oyler, Dianne White.* The History of the N'ko Alphabet and its Role in Mande Transnational Identity: Words as Weapons. Cherry Hill, NJ: Africana Homestead Legacy Press, 2005.
- Vydrine, Valentin.* Souleymane Kanté, un philosophe-innovateur traditionnaliste maninka vu à travers ses écrits en nko, *Mande Studies* 3, 2001, pp. 99–131.
- Vydrine, Valentin.* Sur le "Dictionnaire Nko". *Mandenkan* 31, 1996, pp. 59-75.
- Welmers, William.* Tonemes and Tone Writing in Maninka // *Studies in Linguistics*. Vol. 7, No. 1, 1949.
- Wyrod, Christopher.* The Light on the Horizon: N'ko Literacy and Formal Schooling in Guinea. MA Thesis, 2003, George Washington University.